

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Южно-Уральский государственный университет»
(национальный исследовательский университет)
«Юридический» институт
Кафедра «Уголовное и уголовно-исполнительное право, криминология»

ДОПУСТИТЬ К ЗАЩИТЕ

Заведующий кафедрой,

к.ю.н., доцент

_____ И.М. Беляева

_____ 2017 г.

Уголовно-правовые и психологические аспекты умысла

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
ФГАОУ ВО «ЮУрГУ» (НИУ) – 40.03.01.2017.531. ВКР

Руководитель работы,
ст. преподаватель кафедры

_____ Т.В. Кухтина

_____ 2017 г.

Автор работы,
Студент группы Ю-531

_____ А.В. Праведников

_____ 2017 г.

Нормоконтролер,
преподаватель

_____ Д.В. Бирюкова

_____ 2017 г.

Челябинск 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	6
1 ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА УМЫСЛА	
1.1 История развития умысленной формы вины в уголовном праве России	9
1.2 Уголовно-правовые аспекты умысла	18
1.3 Психологические аспекты умысла.....	27
2 ВИДЫ УМЫСЛА И ИХ ВЛИЯНИЕ НА КВАЛИФИКАЦИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ	
2.1 Прямой и косвенный умысел: критерии деления и некоторые аспекты квалификации	42
2.2 Влияние прочих видов умысла на квалификацию преступлений	75
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	94
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	99

ВВЕДЕНИЕ

Юристы многих поколений посвящали свои исследования умышленной форме вины. Современное понимание вины, ее форм и видов в той или иной мере отражает и эволюцию представлений об этом явлении. Общеизвестно, что основу психического отношения, образующего вину, составляет сочетание интеллектуальных, волевых и эмоциональных процессов.

Сложность умышленных преступлений обусловлена тем, что преступления имеют не только уголовно-правовое, но и психологическое содержание.

Как категория субъективной реальности умысел непосредственно не наблюдаем, именно этим объясняется теоретическая и практическая трудность исследования уголовно-правовых и психологических аспектов умысла.

Актуальность изучения умышленных преступлений обусловлена тем, что «абсолютное большинство преступлений, предусмотренных действующим уголовным законодательством, могут совершаться только с умыслом. Процесс субъективного вменения напрямую зависит от степени охвата сознанием лица, совершившего преступление, признаков состава преступления.

Степень осознанности влияет на индивидуализацию наказания. Признание деяния умышленным влечет множество правовых последствий: отмена условного осуждения, условно досрочного освобождения, установление рецидива, вид исправительного учреждения, отграничение смежных составов преступлений, определение категории преступления и другие»¹.

Различные аспекты умысла освещались в работах ученых России дооктябрьского периода: А. Киселев, Н.С. Таганцев, Г.С. Фельдштейн.

---

¹ Дубовиченко, С.В. Интеллектуальные моменты умышленной формы вины: автореферат дисс. ... канд. юрид. наук / С.В. Дубовиченко. – Тольятти, 2007. – С. 5.

Наука уголовного права по проблемам вины особенно динамично развивалась в советский период. Различные вопросы, касающиеся вины, стали предметом пристального изучения таких ученых как Б.С. Волков, М.С. Гринберг, Н.С. Дагель, Г.А. Злобин, Д.Н. Котов, Г.А. Кригер, Б.С. Никифоров, Б.С. Утевский и др. В современной доктрине уголовного права продолжают исследования в области вины СВ. Векленко, Н.Г. Иванов, Н.Ф. Кузнецова, В.Е. Квашиш, В.Н. Кудрявцев, В.В. Лунеев, В.А. Нерсесян, А.И. Рарог, Г.А. Склярлов, В.А. Якушин и др.

Но постоянное и пристальное внимание ученых и практиков к этой проблематике вовсе не означает, что проблемы умысла полностью исчерпаны. Напротив, мы являемся свидетелями наличия сложных и до конца не исследованных проблем вины и связанных с ней институтов.

Объектом данной работы является общественные отношения, складывающиеся в сфере применения уголовно-правовых норм, регламентирующих привлечение к уголовной ответственности за совершение умышленных преступлений.

Предмет – нормы отечественного уголовного законодательства, устанавливающие ответственность за умышленные преступления, материалы судебной практики, в том числе и регионального уровня, а также нормы зарубежного уголовного законодательства, регламентирующие ответственность за совершение умышленных преступлений.

Цель выпускной квалификационной работы – комплексное изучение уголовно-правовых и психологических аспектов умысла, в том числе изучение видов умысла и вопросов квалификации умышленных преступлений.

Задачи работы:

- 1) изучить историю развития умышленной формы вины в уголовном праве России;
- 2) рассмотреть уголовно-правовые аспекты умысла;

- 3) рассмотреть психологические аспекты умысла;
- 4) проанализировать прямой и косвенный умысел, определить критерии деления и некоторые аспекты квалификации;
- 5) определить влияние прочих видов умысла на квалификацию преступлений.

Изложенные в работе выводы, определение ряда актуальных понятий и результаты изучения проблемных вопросов квалификации умышленных преступлений могут быть полезными в деятельности правоохранительных органов по противодействию данным посягательствам. Кроме того, они могут использоваться для дальнейших исследований.

1.1 ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА УМЫСЛА

1.1 История развития умышленной формы вины в уголовном праве России

Прежде чем составить представление о каком-либо явлении необходимо рассмотреть историю развития этого явления.

Что касается умысла, то его история неотрывна от истории развития института вины в уголовном праве.

Анализ таких памятников русского права, как Договор Руси с Византией 911 года, Русская Правда позволяет сделать вывод, что субъективное восприятие совершенного преступления никак не увязывалось с ответственностью и наказанием. Преступным деяние признавалось по объективным признакам (например, размер причиненного вреда). Иными словами в законодательстве того периода применялся принцип объективного вменения.

Мы согласны с позицией тех авторов, которые считают, что «термин «вина» в законодательстве X века означал совершение действий, влекущих уголовную ответственность, т. е. охватывал объективные признаки преступления»¹.

Также мы согласны с точкой зрения тех авторов, которые считают, что «праву того периода было известно только фактическое вменение»².

Смещение понятия вины и виновности из материальной сферы в душевно-эмоциональную наблюдается в Судебниках XV–XVII веков.

«Окончательно отказалось от материальной вины Уложение 1649 г., когда существенно возросло значение человеческой индивидуальности. В Соборном Уложении 1649 г. появляется очень важное понятие воли. Оценка

---

¹ Рогов, В.А. История уголовного права, террора и репрессий в Русском государстве XV–XVII века / В.А. Рогов. – М.: Юристъ, 1995. – С. 52.

² Магомедов, А.А. Уголовная ответственность и освобождение от нее: эволюция правовых воззрений и современности: дисс. ... доктора юрид. наук / А.А. Магомедов. – М., 1998. – С. 22.

различий волевой направленности действий виновного весьма высока. Например, в случае с поджогами имущества различаются казус («непорочное дело»), неосторожность («небрежность») и умысел («нарочное дело»). Кроме того, «Уложение активно использует термины «умышление» и «воровской умысел». Первый термин полностью оправдывает свою смысловую значимость: для кары достаточно установить наличие мыслей или подготовительных действий, наступление последствий не обязательно. Подчеркивая общественную опасность «воровского умысла», как формы вины в наиболее опасных общеуголовных деяниях, закон предусматривает, что лицам, обороняющимся от «воров», нельзя ставить «в вину» убийство при защите личных и имущественных интересов»¹.

«Развитие идей умысла во многом подготавливало почву для перемещения понятий вины в область психической деятельности человека. Это неизбежно означало и кризис «материальной» вины.

После государственных преобразований Петра I многие нормы права XVII в. Фактически утратили силу.

Наибольший интерес из уголовно-правовых документов представляет Артикул воинский 1715 г., который не заменил Уложение 1649 г., а действовал параллельно с ним вплоть до создания Свода законов Российской империи»².

Как и Соборное уложение, Артикул воинский знает наказание за голый умысел на совершение политических преступлений.

Артикул воинский проводит разграничение между деяниями умышленными, неосторожными и случайными.

В 1845 г. завершилась систематизация российского законодательства. В области уголовного права было издано Уложение о наказаниях уголовных и

---

¹ Векленко, С.В. Виновное вменение в уголовном праве: дисс. ... доктора юрид. наук / С.В. Векленко. – Омск, 2003. – С. 25; Памятники Русского права. Вып. 6 / под ред. С.В. Юшкова. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1986. – С. 123.

² Векленко, С.В. Указ. соч. – С. 26.

исправительных.

В ст. 5 Уложения закреплялось, что «преступления и проступки суть умышленные или неумышленные». Ст. 6 выделяла две разновидности умысла: «В преступления и проступках умышленных различаются две степени: первая, когда противозаконное деяние учинено вследствие не внезапного, а заранее обдуманного намерения или умысла; вторая, когда оное учинено хотя и с намерением, но по внезапному побуждению без предумышления». Согласно ст. 7 «зло, сделанное случайно, не только без намерения, но и без всякой со стороны учинившего оное неосторожности, считается виною». Из этих формулировок можно заключить, что законодательство того времени четко выделало умышленную форму вины.

При описании конкретных составов преступлений в Уложении активно использовались термины «умышленно», «с умыслом», «с злобным умыслом», «хотя и не с прямым на то умыслом, но однако же и не случайно, а с намерением», «с намерением», «обдуманно», «заведомо», «злонамерено», «самовольно».

В статьях Уложения, посвященных посягательствам на государя, наряду с ответственностью за преступное действие предусматривалась ответственность за «злоумышление», под которым в соответствии со ст. 8 следовало понимать «через кого-либо обнаруженный на преступление умысел».

Ст. 271 прямо говорила о наказании смертной казнью «за умысел ниспровергнуть правительство во всем государстве или в некоторой оною части», а одним из видов государственной измены (ст. 275) признавалось: «когда кто-нибудь умыслить предать государство или какую-либо часть одного другому государю или правительству».

Анализ всех этих положений позволяет сделать вывод о том, что законодательству того периода выделяло так называемый «голый умысел» и предусматривало за его наличие ответственность.

Умышленная вина получила достаточно детальную регламентацию в Уголовном Уложении 1903 г. Прогрессивно настроенные ученые-юристы того времени Н.Д. Сергеевский, Н.С. Таганцев, Н.А. Неклюдов, И.Я. Фойницкий своими трудами внесли большой вклад в решение важнейших вопросов институтов уголовного права, в том числе и института вины и производных от него. Благодаря им в двух отделениях Уложения – четвертом и пятом – регламентировалось виновное вменение преступных деяний. Так согласно ст. ст. 42 и 43 Уложения «не вменяется в вину преступное деяние, коего учинивший не мог предвидеть или предотвратить. Неведение обстоятельства, коим обуславливается преступность деяния или которое усиливает ответственность. Устраняет вменение в вину самого деяния или усиливающего ответственность обстоятельства».

Отделение пятое Уголовного Уложения 1903 г., посвященное видам виновности, не только закрепило разграничение между виной умышленной и неосторожной, но и дало содержательную характеристику этим формам виновности.

Так, согласно ст. 48 «преступное деяние почитается умышленным не только, когда виновный желал его учинения, но также, когда он сознательно допускал наступления последствия, обуславливающего преступность сего деяния».

Вместе с тем отметим, что Уголовное Уложение 1903 г. полностью не было введено в действие¹.

Термин «вина», «виновность» встречаются в первых декретах Советского государства. Понятие умышленной вины отсутствовало. Вместе с тем некоторые деяния содержали указания на цель и заведомость, что свидетельствовало об умышленном характере преступления².

---

¹Векленко, С.В. Эволюция отечественного уголовного законодательства о виновной ответственности / С.В. Векленко // Вестник Воронежского института МВД России. – 2009. – № 1. – С. 15–20.

²Декрет СНК РСФСР «О набатном звоне» от 30.07.1918 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_332.htm; Декрет ВЦИК «Об изъятиях из

Следует, однако, заметить, что не только ни в одном из этих случаев не делалось попытки раскрыть содержание умысла, но и сама терминология не отличалась четкостью.

Поэтому трудно сказать, что законодатель того времени понимал под умыслом, каким образом происходило отграничение от неосторожной формы вины.

В ст. 11 УК РСФСР 1922 г. было дано определение умысла¹.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что определение умысла в УК РСФСР 1922 года не оказало заметного влияния и на определение субъективной стороны преступлений в самом Кодексе.

Характерно, что и в посвященной УК РСФСР 1922 года литературе мы не находим убедительных попыток связать определение умысла в ст. 11 с предшествующим развитием законодательства.

Н.Д. Дурманов, указывая, с одной стороны, что основными источниками УК РСФСР 1922 года были советское уголовное законодательство и судебная практика революционных трибуналов и народных судов 1917–1921гг. и, с другой – характеризуя определение умысла в ст. 11 как «превосходное», никак не связывает это определение с тем, что происходило в законодательстве предшествующего периода. Этого не делает и Б.С. Утевский, ограничивающийся применительно к определению умысла в ст. 6 Основных начал 1924 года указанием на то, что уже к 1924 году советское уголовное право «выработало свое собственное понятие умысла» и что

общей подсудности в местностях, объявленных на военном положении» от 20.06.1919 г. // СУ РСФСР. – 1919. – № 27. – Ст. 301; Декрет ВЦИК, СНК РСФСР «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» от 18.12.1917 // СУ РСФСР. – 1917. – № 11. – Ст. 160; Декрет СНК РСФСР «О порядке всеобщей трудовой повинности» от 29.01.1920 г. // СУ РСФСР. – 1920. – № 8. – Ст. 49; Декрет ВЦИК, СНК РСФСР «О мерах борьбы с хищениями из государственных складов и должностными преступлениями, способствующими хищениям» от 01.06.1921 г. // СУ РСФСР. – 1921. – № 49. – Ст. 262.

¹ Кораблева, С.Ю. Вина как уголовно-правовая категория ее влияние на квалификацию преступлений: дисс. ... канд. юрид. наук / С.Ю. Кораблева. – М., 2013. – С. 56.

соответствующая формулировка является окончательной, четкой и ясной и не нуждается «ни в каких дополнениях и изменениях»¹.

Вместе с тем, мы согласны с теми авторами, которые считают, что определение умысла берет за основу ст. 48 Уголовного Уложения 1903 г., которая почитала преступное деяние умышленным «не только, когда виновный желал его учинения, но также, когда он сознательно допускал наступление последствия, обуславливающего преступность сего деяния».

Так, Г.А. Злобин и Никифоров Б.С. указывают на следующее: «Наличие важного сходства между двумя определениями очевидно. Оба они делят умысел на два вида. Оба они не связывают с этим делением какого-либо различия в квалификации или наказуемости преступлений, а скорее проводят таким путем внешние границы этого понятия (по формуле: «умысел – это не только..., но и...»). Деление умысла на виды проводится в УК РСФСР, как и в ст. 48 Уложения, с помощью терминов «желание» и «сознательное допущение», которые не встречались в советском уголовном законодательстве до 1922 года. В результате, как мы видели из Объяснительной записки, граница между умыслом и неосторожностью проводилась обоими определениями более или менее одинаково. Обращает на себя внимание преимущественно психологический характер обоих определений, который в ст. 11 УК РСФСР выражен даже сильнее, ибо в ней нет указания на «преступность деяния». Это объяснялось, по-видимому, тем, что в УК РСФСР само преступление не определялось как деяние, предусмотренное уголовным законом; до включения же в определение умысла указания на отношение деятеля к общественно опасному характеру деяния дело еще не дошло.

В такого рода заимствовании технико-юридических достижений прежнего законодательства нет ничего ни неожиданного, ни «зазорного». Было бы наивным и опасным «левачеством» полагать, что определения

---

¹Утевский, Б.С. Вина в советском уголовном праве / Б.С. Утевский. – М.: Госюриздат, 1950. – С. 183.

«общеуголовных» понятий, выработывавшихся правосознанием в течение веков, таких, как кража, грабеж, разбой либо умысел или неосторожность, в советском законодательстве должны были быть непременно другими, чем раньше, «ни на что не похожими». Само собой разумеется, при составлении первого советского кодекса не могло быть и речи о том, чтобы, как предлагали некоторые, «старый кодекс (Уголовное уложение 1903 года) почистить и оставить в силе». «...В этом высказывании о характере заимствований из Уложения 1903 года, – пишут авторы учебника Общей части советского уголовного права, – смешивались две различные проблемы: проблема классового содержания уголовно-правовых норм, их направленности, с одной стороны, и проблема форм и конструкций уголовно-правовых норм – с другой. Принципиально ошибочно, фактически неверно утверждение о том, что сохранились прежние общественные отношения. Заимствование же из Уголовного уложения 1903 г. форм и конструкций отдельных норм не могло быть категорически исключено, тем более, что Уложение 1903 г. в смысле технико-юридической разработки представляло собою в то время известное достижение законодательной техники». Это последнее положение относится, в частности, а может быть даже в особенности, к определению умысла»¹.

Дальнейшее развитие определения умысла в Общей части также шло по линии все большего его уточнения в указанном направлении. Уже Основные начала уголовного законодательства СССР и союзных республик 1924 года² сделали в этом отношении значительный шаг вперед, сблизив определение умысла с материальным определением преступления как действия общественно опасного и таким путем придав определению умысла социальное содержание.

---

¹ Злобин, Г.А. Умысел и его формы / Г.А. Злобин, Б.С. Никифоров. – М.: Юрид. лит., 1972. – С. 33.

² Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и Союзных Республик: Постановлением ЦИК СССР от 31.10.1924 г. // СЗ СССР. – 1924. – № 24. – ст. 205.

«В соответствии со ст. 6 Основных начал уголовного законодательства СССР и союзных республик 1924 года меры социальной защиты судебно-исправительного характера применяются лишь в отношении лиц, которые: а) действуя умышленно, предвидели общественно опасный характер последствий своих действий, желали этих последствий или сознательно допускали их наступление»¹.

Статья 10 УК РСФСР 1926 года² воспроизвела эту формулировку, внося в нее следующее редакционное уточнение: «действовали умышленно, т. е. предвидели».

Последовавшие изменения законодательства свидетельствовали о том, что законодатель признал за субъективной стороной более фундаментальное, чем прежде, значение.

С одной стороны, в определении оснований уголовной ответственности, ранее отсутствовавшем в законодательстве, умысел и неосторожность были охарактеризованы как необходимая составная часть этих оснований.

Так, в соответствии со ст. 3 Основ 1958 г. уголовной ответственности и наказанию подлежит только лицо, виновное в совершении преступления, т. е. умышленно или по неосторожности совершившее предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние.

С другой – законодатель уделил большее, чем до этого, внимание разработке самого определения умысла. Наиболее важным событием в этом отношении явилось включение в это определение (в ст. 8 Основ 1958 года) указания на сознание лицом общественно опасного характера своего действия «ли бездействия. В результате определение умысла включило, наконец, в свою орбиту формальные преступления.

---

¹Паньков, И.В. Умышленная вина по российскому уголовному праву: дисс. ... канд. юрид. наук / И.В. Паньков. – СПб., 2010. – С. 43.

² Постановление ВЦИК «О введении в действие Уголовного Кодекса РСФСР». редакции 1926 года: от 22.11.1926 // СУ РСФСР. – 1926. – № 80. – Ст. 600.

В ст. 8 УК РСФСР 1960 г.¹ говорилось о том, что преступление признается совершенным умышленно, если лицо, его совершившее, сознавало общественно опасный характер своих действия или бездействия, предвидело его общественно опасные последствия и желало или сознательно допускало наступление этих последствий.

В Уголовном кодексе Российской Федерации 1996 г.², вступившем в действие с 1 января 1997 г., в отличие от ранее действовавшего уголовного законодательства, вине посвящена целая глава – глава 5. Статьи названной главы не только называют, но и детально регламентируют формы вины.

Так, УК РФ 1996 г. характеризует умысел как психическое отношение, при котором лицо осознавало общественную опасность действий (бездействия), предвидело возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желало их или сознательно допускало наступление этих последствий.

Завершая анализ отечественного законодательства по вопросам исторического развития умысла отметим, что на примере рассмотренных законодательных актов четко прослеживается эволюция уголовно-правовых взглядов, которая способствовала не просто декларации умышленной вины, но и наделила умысел существенными признаками – сознавало, желало, допускало.

Кроме того, в целом считаем, что способность человека оценивать свое поведение и руководить своими действиями занимает центральное место в решении вопроса о привлечении к уголовной ответственности.

---

¹ Уголовный кодекс РСФСР: утв. ВС РСФСР 27.10.1960 г. // Ведомости ВС РСФСР. – 1960. – № 40. – Ст. 591.

² Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 г. № 63–ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

1.2 Уголовно-правовые аспекты умысла

«Развитие теоретических представлений об умысле в российской науке уголовного права исторически происходило в рамках общего учения о вине. При этом на сегодня высказаны самые разные подходы к пониманию содержания, формы и сущности вины»¹. Однако примечательно то, что «их проецирование на уровень видов вины является нетрадиционным и практически не встречается в литературе. Так, умысел в основном рассматривается с точки зрения его законодательной конструкции; именно отраженные в законе признаки интеллектуального и волевого элементов умысла анализируются большинством авторов. Что же касается основных теоретических характеристик, выделяемых в учении о вине, то они обычно применяются к самой вине, но не к ее видам, а наличие некоторых из них у видов вины иногда вообще отрицается»².

Такие понятия, как «содержание умысла», «формы умысла», «сущность умысла», используются в литературе при рассмотрении тех или иных проблем. Но это делается не комплексно, а фрагментарно, применительно к различным аспектам более общих вопросов. «Целостного подхода к анализу умысла как вида вины с отдельным описанием его основных теоретических характеристик (содержания, формы и сущности) нет ни в работах по общим вопросам вины»³, «ни в специальных монографических исследованиях

---

¹ Дагель, П.С. Содержание, форма и сущность вины в советском уголовном праве / П.С. Дагель // Правоведение. – 1969. – № 1. – С. 79; Рарог, А.И. Субъективная сторона и квалификация преступлений / А.И. Рарог. – М.: Профобразование, 2001. – С. 69; Иванов, С.А. Понятие, основные характеристики и показатели вины в уголовном праве России / С.А. Иванов. – Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 2005. – С. 98.

² Паньков, И.В. Теоретические аспекты умышленной вины по российскому уголовному праву / И.В. Паньков // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. – № 65. – С. 252.

³ Якушин, В.А. Субъективное вменение и его значение в уголовном праве / В.А. Якушин. – Тольятти: ТолПИ, 1998. – С. 122; Векленко, С.В. Понятие, сущность, содержание и формы вины в уголовном праве / С.В. Векленко. – Омск: Изд-во Омск. юрид. акад. МВД России, 2002. – С. 132.

умысла»¹. Указанная ситуация представляется пробелом в теории. Вместе с тем при глубоком анализе умысла его содержание, форму и сущность не только возможно, но и необходимо выделять, а также сопоставлять с аналогичными характеристиками вины в целом.

В связи с этим может быть предложен следующий подход к рассмотрению основных характеристик умышленной вины, который позволит на методологически правильной основе провести теоретический анализ умысла и определить его общее понятие.

«Умышленная вина представляет собой определенный класс явлений, и в этом смысле нет никаких теоретических препятствий для рассмотрения явлений данного класса с точки зрения присущих им содержания, формы и сущности. При этом необходимо исходить из понимания соответствующих теоретических характеристик самой вины»².

«Для содержания и формы умысла в их соотношении с виной, во-первых, характерен момент сходства, поскольку они производны от содержания и формы вины, представляют собой их конкретное и более частное проявление. В этом плане содержание умысла, как и содержание любого проявления вины, включает в себя те же общие свойства, относящиеся к его психологической (как психического отношения, проявляемого в преступном поведении), социальной (как социально значимого поведения с учетом его повышенной опасности и порицаемое) и юридической (как правового института с учетом его нормативного описания и значения) сторонам, а форма есть взаимосвязь между соответствующими компонентами содержания умысла.

Во-вторых, существует момент различия, поскольку умысел как вид вины обладает специфическими свойствами, которые отсутствуют у вины как рода

---

¹ Гурвич, И.Г. Косвенный умысел по советскому уголовному праву: автореферат дисс. ... канд. юрид. наук / И.Г. Гурвич – М., 1951. – С. 10.

² Паньков, И.В. Основные теоретические характеристики вины в уголовном праве / И.В. Паньков // Известия РГПУ им. А.И. Герцена: Аспирантские тетради. – 2008. – № 28. – С. 63.

и в то же время отличают умысел от неосторожности.

Указанные свойства умысла также относятся к психологической (адекватное отражение ситуации и активное использование своих психических способностей), социальной (повышенная общественная опасность и упречность поведения) и юридической (специфика описания в законе и правовых последствий) сторонам его содержания и, соответственно, взаимосвязаны между собой в рамках его формы»¹.

Однако возникает вопрос о понимании формы и содержания умысла как определенного класса явлений с учетом того, что каждое отдельное явление, входящее в этот класс, индивидуально, оно имеет свои свойства, свои содержание и форму. «Для решения данного вопроса важно не только то, что между явлениями, входящими в один класс, существуют сходства и различия, но и то, каковы эти различия. Они могут носить качественный и количественный характер»².

«Если качественная определенность отделяет явления одного вида от явлений другого вида, указывая на общую им родовую сущность, то количественная определенность разграничивает явления внутри данного вида, указывая на общую для них видовую сущность. При этом необходимо учитывать относительность качественных и количественных различий»³. Так, различия между видами умысла являются существенными, качественными, но на уровне вины в целом эти же различия будут выступать уже как несущественные, количественные. Кроме того, качественное различие может быть различных степеней. Например, различие между прямым умыслом и небрежностью будет гораздо больше, чем между прямым и косвенным умыслом.

«Каждый отдельный объект обладает множеством качеств, которые

---

¹ Паньков, И.В. Указ. соч. – С. 64.

² Философский энциклопедический словарь / под ред. Л.Ф. Ильичева. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – С. 252, 263.

³ Руткевич, М.Н. Диалектический материализм / М.Н. Руткевич. – М.: Мысль, 1973. – С. 417.

являются отражением качественного многообразия мира. При этом ни одно качество объекта не проявляется сразу, а обнаруживается в виде его отдельных свойств; в различных отношениях это будут разные свойства.

Сколько существует различных классов, в которые входит данный объект, столько у него и качеств, определяющих свойства объекта, которые, в свою очередь, проявляются в отношениях к другим объектам, входящим в иные или те же самые классы, и в этом плане имеют качественные и количественные характеристики»¹.

Таким образом, для понимания содержания и формы умысла важно то, что «явления вины, имеющие качественную определенность (входящие в один и тот же вид), обладают качественно однородными свойствами и, соответственно, одним содержанием, которому соответствует одна форма (с возможными количественными отклонениями, но в рамках качественной определенности явлений данного вида); другой формы при данном содержании быть не может»².

Вопрос о сущности умысла является более сложным. В литературе можно встретить взгляды, согласно которым умысел не имеет самостоятельной сущности по сравнению с виной³.

С приведенными взглядами на сущность умысла нельзя согласиться⁴.

Как уже было отмечено, «каждый класс имеет свою сущность, которая отражает общее и необходимое в многообразии проявлений элементов данного класса. Однако виды, входящие в один класс, качественно отличаются друг от друга и имеют специфические признаки, что позволяет говорить о сущности видов внутри рода. Именно многообразие родовидовых отношений между классами, в которые входят отдельные явления, отражает то общее и особенное, что есть в каждом из них, и позволяет говорить о

---

¹ Паньков, И.В. Указ. соч. – С. 252.

² Паньков, И.В. Указ. соч. – С. 253.

³ Якушин, В.А. Проблемы субъективного вменения в уголовном праве: автореферат дисс. ... докт. юрид. наук / В.А. Якушин. – М., 1998. – С. 8.

⁴ Паньков, И.В. Указ. соч. – С. 254.

различных уровнях сущности явлений. В этой связи с философской точки зрения «разнопорядковость сущности имеет свою непосредственную основу вразнопорядковости общего», а «градация общего выступает как градация сущности»¹.

В настоящий момент актуально правильное понимание соотношения сущности вины и сущности умысла. «Сущность вины есть родовая сущность более высокого порядка, чем сущности ее видов, поэтому она диалектически снимает на более глубоком уровне теоретического проникновения в предмет противоположность сущностей умысла и неосторожности. Сущность вины абстрактнее, но беднее признаками, так как отражает черты рода, а сущность умысла конкретнее, но богаче признаками, так как отражают специфику вида. Реальность родовой и видовой сущности признается в логике со времен Аристотеля, а философия исходит из того, что «одна и та же сущность может иметь множество различных проявлений, равно как и всякое достаточно сложное явление может определяться несколькими сущностями»².

В литературе довольно четкое определение сущности умысла было сформулировано в работах П.С. Дагеля, который отмечал, что она «заключается в сознании лицом общественно опасного характера своего действия или бездействия»³ (в отличие от сущности неосторожности, которая состоит в обязанности и возможности осознавать общественную опасность деяния при отсутствии такого осознания). По мнению В.Г. Макашвили, сущность умысла «состоит в антиобщественной волеустремленности (прямой или косвенной), которая вызывает осуждение и порицание с точки зрения правовых и нравственных норм»⁴.

«При определении сущности умысла с учетом изложенных выше

---

¹ Паньков, И.В. Указ. соч. – С. 254.

² Паньков, И.В. Указ. соч. – С. 255.

³ Дагель, П.С. Проблемы вины в советском уголовном праве / П.С. Дагель // Учен. зап. ДВГУ. – Владивосток, 1968. – С. 52.

⁴ Макашвили, В.Г. Понятие умысла в уголовном праве / В.Г. Макашвили // Вестник отд. общ. наук АН ГССР. – 1966. – № 6. – С. 74.

положений, необходимо отметить, что принципиально, как и сущность вины, она может рассматриваться в различных приближениях. В первом приближении сущность умысла является психосоциюридической и состоит в единстве специфических свойств трех его основных сторон (психологической, социальной и юридической). Во втором приближении сущность умысла социальна; при этом она производна от социальной сущности вины, но вместе с тем имеет особенности, предопределяющие качественное своеобразие умысла по сравнению с неосторожностью»¹.

Исходя из особенностей умысла можно дать более полное определение его социальной сущности: оно заключается в проявляющемся в преступлении и повышающем его общественную опасность и порицаемость отрицательном отношении лица к установленному уголовным законом порядку общественных отношений в сфере охраны основных социальных ценностей.

Данное определение позволяет показать отличие сущности умысла, как от сущности неосторожности, так и вины и содержит два основных момента².

При анализе приведенного понимания сущности умысла, как в первом, так и во втором приближении, может показаться, что оно совпадает с пониманием содержания умысла или, соответственно, социальной стороны его содержания (т. е. включает в себя совокупность тех же указанных выше свойств). Однако следует отметить, что сущность и содержание любого правового явления есть совершенно разные его характеристики: сущность отражает специфику явления, общее и необходимое в нем, а содержание включает в себя совокупность всех возможных свойств, главных и неглавных, необходимых и случайных, общих и единичных³. В связи с этим

---

¹ Паньков, И.В. Указ. соч. – С. 252.

² Дагель, П.С. Неосторожная преступность и ее общественная опасность в условиях научно-технической революции: Проблемы борьбы с преступной неосторожностью в условиях научно-технической революции / П.С. Дагель. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного гос. ун-та, 1976. – С. 8.

³ Керимов, Д.А. Философские проблемы права / Д.А. Керимов. – М.: Мысль, 1972. –

следует учитывать, что указанные выше специфические свойства психологической, социальной и юридической сторон содержания умысла есть именно их существенные свойства; любая из указанных сторон применительно к каждому отдельному явлению умысла в том или ином преступлении обязательно включает в себя множество других, более конкретных свойств.

Принципиальным для правильного понимания умышленной вины является положение о том, что она представляет собой отдельный класс явлений, который отличается как от вины в целом, так и от неосторожности; каждый элемент данного класса обладает спецификой, выявляемой при анализе таких его характеристик, как содержание, форма, сущность. Однако в литературе достаточно часто можно встретить утверждения, в которых умыслу отказывается в самостоятельном и полноценном статусе; он рассматривается лишь как некая часть вины. Среди подобного рода трактовок умысла можно выделить два основных подхода: 1) умысел понимается как такая часть вины, которая является ее формой¹;

2) умысел понимается как часть вины, но при этом не делается акцента на том, что это именно ее форма².

Для объяснения недопустимости понимания умысла как части вины необходимо отметить различия между отношениями мереологическими (целого и части) и отношениями логическими (рода и вида)³.

Первые есть более широкая область отношений, чем вторые. Все, что

С. 198.

¹ Тихонов, К.Ф. Субъективная сторона преступления / К.Ф. Тихонов. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1967. – С. 65; Уголовный закон: Опыт теоретического моделирования / под ред. В.Н. Кудрявцева. – М.: Наука, 1987. – С. 84; Галинская, Б.Э. Формы вины в советском уголовном праве: автореферат дис. ... канд. юрид. наук / Б.Э. Галинская. – Л., 1951. – С. 9.

² Демидов, Ю.А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве / Ю.А. Демидов. – М.: Юрид. лит., 1975. – С. 117–118; Иванов, Н.Г. Проблемы уголовной ответственности лиц с психическими аномалиями: автореферат дисс. ... докт. юрид. наук / Н.Г. Иванов. – М., 1997. – С. 16; Мальков, В.П. Субъективные основания уголовной ответственности / В.П. Мальков // Государство и право. – 1995. – № 1. – С. 91.

³ Войшвилло, Е.К. Понятие как форма мышления: Логико-гносеологический анализ / Е.К. Войшвилло. – М.: Изд-во МГУ, 1989. – С. 178.

является видом по отношению к роду, является одновременно и частью рода как целого (подкласс данного класса), но не все, что является частью данного целого, может быть его видом.

Термином «умысел» может обозначаться как отдельное явление, так и класс явлений. При этом говорить о том, что умысел есть часть вины, можно только в том случае, если под умыслом и виной понимаются классы явлений. Если же речь идет об отдельном явлении (умысле), то утверждение, что оно есть часть другого отдельного явления (вины), будет ошибочным. При совершении преступления умысел выступает как отдельное правовое явление, и в отношении него равно справедливыми будут утверждения как о том, что это вина, так и о том, что это умысел. Просто тем самым будут фиксироваться свойства данного явления на различном уровне их общности (на уровне рода – вины, или вида – умышленной вины). Именно поэтому неправильно говорить о том, что умысел, который в данном случае и является виной, есть лишь часть вины; это будет означать смешение логических отношений между классами предметов и мерологических отношений между самими предметами.

При этом следует отметить, что утверждения в рамках первого из указанных подходов о соотношении умысла как части (а именно формы) и вины как целого неправильно в любом случае, независимо от того, имеются ли в виду под умыслом и виной отдельные явления или их классы. Это связано с принципиальной некорректностью понимания умысла как формы вины¹.

Что же касается второго подхода, при котором умысел рассматривается как часть вины без указания на форму, то в данном случае всегда следует учитывать тот смысл, в котором употребляются данные термины.

При этом обычно речь идет именно о понимании умысла как части вины на уровне отдельных явлений, что нельзя признать правильным.

---

¹ Паньков, И.В. Концептуальная и логическая характеристика вины в уголовном праве / И.В. Паньков // Современное право. – 2007. – № 10 (1). – С. 55.

Умышленная вина выступает как сложное и многогранное правовое явление.

Поэтому теоретическое понятие о нем наиболее полно может быть раскрыто только на основе учета всех теоретических положений об умысле.

В юридической литературе довольно часто встречаются определения умысла. Однако подавляющее их большинство по своей сути представляют либо изложение действующей законодательной формулировки умысла¹, либо формулировку законодательного определения умысла de lege ferenda.

Вместе с тем теоретическое и законодательное определения умысла принципиально отличаются.

Среди немногочисленных теоретических определений умышленной вины как самостоятельного правового явления в современной литературе можно отметить следующие.

По мнению Б.Э. Галинской, «умысел – это психическое отношение субъекта, выражающееся в сознательном направлении им своей воли на совершение общественно-опасного деяния и на причинение общественно-опасных последствий». А.П. Козлов дает следующее определение: «Умыслом признается субъективно положительное отношение лица к совершаемому им общественно опасному деянию и его результату»². С.В. Дубовиченко отмечает: «Умысел – это осознание лицом характера и степени общественной опасности и уголовной противоправности своего деяния, определяющее положительно-волевое и эмоциональное отношение к нему».

Необходимо учитывать, что в любом определении можно найти недостатки.

---

¹ Ткаченко, В.И. Умысел как форма вины: Уголовно-правовые меры борьбы с преступностью в условиях перестройки / В.И. Ткаченко. – Свердловск: Изд-во Свердлов. юрид. ин-та, 1990. – С. 27; Селезнев, М. Умысел как форма вины / М. Селезнев // Российская юстиция. – 1997. – № 3. – С. 11.

² Козлов, А.П. Понятие преступления / А.П. Козлов. – СПб.: Юридический центр прес, 2004. –С. 603.

Мы при определении умысла придерживаемся следующей позиции: «умысел есть нормативно определяемое виновное психическое отношение к совершаемому преступному деянию, основанное на отрицании личностной значимости установленного уголовным законом порядка общественных отношений в сфере охраны основных социальных ценностей»¹.

1.3 Психологические аспекты умысла

Психологические аспекты умысла нами будут раскрыты через интеллектуальные и волевые элементы.

Как уже было сказано, «определение умысла дано в ст. 25 УК РФ. Каждому из определенных в ст. 25 УК РФ видов умысла присущи интеллектуальные и волевые моменты. Интеллектуальных моментов два. Первый выражается в осознании лицом, совершающим преступление, общественно опасного характера своих действий или бездействия, то есть того, что относится к настоящему времени (на момент совершения деяния), а второй – в предвидении его общественно опасных последствий (при прямом умысле – возможности или неизбежности их наступления, а при косвенном – только возможности), то есть того, что относится к будущему времени. На необходимость осознания общественно опасного характера своего деяния и предвидения его общественно опасных последствий лицом, признаваемым виновным в совершении умышленного преступления, неоднократно обращалось внимание высшими судебными инстанциями»².

Волевой момент прямого умысла состоит в желании наступления общественно опасных последствий.

---

¹ Паньков, И.В. Теоретические аспекты умышленной вины по российскому уголовному праву / И.В. Паньков // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. – № 65. – С. 260.

² Классен, М.А. Дискуссионные вопросы умысла в уголовном праве России / М.А. Классен, В.В. Лалац // Проблемы права. – 2012. – № 7. – С. 137.

Волевой момент косвенного умысла – в нежелании, но сознательном допущении этих последствий или безразличном отношении к ним. При этом, иногда суды допускают ошибки, забывая, что безразличное отношение присуще только умышленной форме вине.

Так, Копейский городской суд Челябинской области признал Куренкова виновным и осудил за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни человека, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего Б.П.Л¹.

В апелляционном представлении государственный обвинитель Фаставцова просила приговор отменить в связи с несоответствием выводов суда фактическим обстоятельствам уголовного дела, нарушением уголовно-процессуального закона, неправильным применением уголовного закона, несправедливостью приговора ввиду его чрезмерной мягкости. Считает, что суд учел не все обстоятельства, которые могли отразиться на назначении наказания. Кроме того полагала, что судом допущены противоречия в выводах. Так мотивировав отношение осужденного к наступлению смерти потерпевшего в форме неосторожности, описывая преступное деяние, суд в приговоре ошибочно указал на то, что Куренков Е.В. относился к возможности наступления смерти потерпевшего безразлично. Тогда как в силу ч. 3 ст. 25 УК РФ безразличное отношение лица к конкретным последствиям преступления определяет наличие в действиях этого лица косвенного умысла. Полагает, что суждение о том, что Куренков Е.В. относился к последствиям безразлично, подлежит исключению из приговора.

В апелляционной жалобе и дополнении к ней осужденный Куренков Е.В. не согласился с приговором, просил его отменить. Считал, что выводы суда о его виновности основаны только на доводах следствия и никакими доказательствами не подтверждены, в деле имеются неустранимые сомнения в его виновности, которые должны быть истолкованы в его пользу. Считает,

---

¹ Дело № 1–323/2013//Архив Копейского городского суда г. Челябинска за 2013 г.

что назначенное наказание является несправедливым, чрезмерно суровым. Судом не было принято во внимание противоправное поведение потерпевшего, а также не были учтены положения ст. 61 УК РФ. Оспаривал наличие у него умысла на причинение потерпевшему тяжкого вреда здоровью, а также не согласился с вменяемым ему количеством ударов. Просит изменить ему режим исправительного учреждения и назначить более мягкое наказание.

Суд апелляционной инстанции, изменяя приговор Копейского городского суда Челябинской области, указал следующее: «...указание суда в приговоре о безразличном отношении Куренкова Е.В. к возможности наступления смерти в соответствии с ч. 3 ст. 25 УК РФ свидетельствует о косвенном умысле на причинение смерти, деяние же, совершенное с косвенным умыслом, является умышленным преступлением.

Косвенный умысел на причинение смерти возможен при совершении убийства, тогда как в убийстве Куренков Е.В. органами предварительного следствия не обвинялся.

Таким образом, из приговора подлежит исключению указание на безразличное отношение Куренкова Е.В. к наступившим последствиям в виде смерти потерпевшего. Однако данное обстоятельство не является основанием к отмене либо изменению приговора, так как само по себе не уменьшает ни объем предъявленного обвинения, ни изменяет квалификацию содеянного»¹.

Другой пример, приговором Уйского районного суда Челябинской области Воронин И.В. осужден за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни человека, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего².

В апелляционном представлении прокурор района Крынецкий Н.С. просил приговор ввиду неправильного применения уголовного закона изменить, исключить из него ссылку на приговор от 17 января 2008 г. и

---

¹ Дело № 10–1642/2014//Архив Челябинского областного суда за 2014 г.

² Дело № 1–34/2014//Архив Уйского районного суда Челябинской области за 2014 г.

постановление суда от 23 августа 2012 г. Суд первой инстанции в описательно-мотивировочной части приговора сделал необоснованный вывод о неслучайном поведении Воронина И.В. в момент совершения преступления, на основании приговора от 17 января 2008 г. и постановления от 23 августа 2012 г., которые не исследовались судом и не могли быть положены в основу обвинительного приговора.

В апелляционной жалобе осужденный Воронин И.В. просит приговор изменить, с учетом смягчающих обстоятельств назначить наказание, не связанное с лишением свободы. С приговором не согласен, считая его несправедливым, поскольку назначенное наказание не соответствует тяжести совершенного преступления.

Суд апелляционной инстанции, изменяя приговором суда первой инстанции, указал следующее: «Как видно из описательно-мотивировочной части приговора, суд, описывая обстоятельства содеянного осужденным с точки зрения признаков субъективной стороны состава преступления в его действиях, указал, что Воронин И.В. относился к возможности наступления последствий в виде смерти В.А.В. безразлично.

Согласно прямому указанию ч. 3 ст. 25 УК РФ безразличное отношение лица к последствиям преступления выражает умышленную форму его вины применительно к преступлению, совершаемому с косвенным умыслом.

Вместе с тем, за умышленное причинение смерти другому человеку Воронин И.В. не осуждался, напротив суд подробно мотивировал в приговоре свои выводы об умышленном причинении Ворониным потерпевшему только тяжкого вреда здоровью и о виновности осужденного в причинении последствия в виде смерти В.А.В. по неосторожности. Эти выводы соответствуют предъявленному Воронину И.В. органами следствия обвинению и фактическим обстоятельствам дела, установленным исследованными судом доказательствами.

Поэтому вышеуказанное суждение о безразличном отношении виновного к возможности наступления последствия в виде смерти потерпевшего приведено судом ошибочно, некорректно, что противоречит другим выводам суда о неосторожной форме вины осужденного применительно к конкретным последствиям от преступления в виде наступления смерти потерпевшего, и подлежит исключению из приговора.

Это изменение носит лишь характер исправления некорректного суждения, не переоценивает выводы суда по существу дела, не уменьшает фактический объем обвинения Воронина И.В., установленный приговором, не изменяет установленной квалификации его действий по ч. 4 ст. 111 УК РФ, ввиду чего само по себе не влечет смягчение назначенного осужденному наказания»¹.

Проанализировав исследования, посвященные умышленной форме вины, мы выделили ряд проблемных вопросов, касающихся психологических аспектов умышленной вины.

Первая проблема касается признака осознания общественной опасности действия (бездействия). «В законодательной конструкции умысла указано на осознания действия (бездействия), но ничего не сказано о субъективном отношении лица, совершающим преступление, к другим обстоятельствам совершения преступления (место, время, способ и т. д.). В теории уголовного права предлагались различные решения указанной проблемы. Наиболее оптимальным решением на наш взгляд представляется следующее: заменить слова «своих действий (бездействия)» на слова «своего деяния». Как известно, термин «деяние» употребляется не только в качестве обобщенной характеристики действия и бездействия, но и как синоним преступления в целом. Указанное изменение будет способствовать более четкому законодательному определению умысла в соответствии с его традиционным пониманием и позволит устранить возможные трудности при его

---

¹ Дело № 10–3577/2014//Архив Челябинского областного суда за 2014 г.

трактовке»¹. Некоторые зарубежные государства также стоят на обозначенной позиции. Например, ст. 21 УК Узбекистана «... деяния, признается умышленным, если лицо, его совершившее, сознавало общественно опасный характер деяния ...»; ст. 20 УК Израиля «Преступный замысел – осознание характера деяния ...»; из ч. 2 и ч. 3 ст. 9 УК Грузии следует, что деяние совершено с умыслом если лицо осознавало противоправность своего деяния и т. д.

Отметим, что в теории уголовного права нет единства в понимании того, какие именно признаки должны осознаваться виновным. На наш взгляд, наиболее обоснованной представляется мнение, согласно которому осознаваться должны объективные обстоятельства, которые могут являться элементами состава.

Субъективные же признаки состава включать в осознание излишне, так как они либо характеризуют лицо, совершающее преступление (если речь идет о специальном субъекте), либо мотивы и цели, которыми руководствовалось виновное лицо.

Вторая проблема касается волевого элемента косвенного умысла. Так, некоторые авторы замечают, что формулировка в ч. 3 ст. 25 УК РФ косвенного умысла выглядит несколько странно. «Лицо в ней сознает факт совершения преступного деяния, но при этом не желает его общественно опасных последствий. Получается, что оно действует вопреки своим желаниям, что с психологической точки зрения невозможно из-за отсутствия мотивации к данному поведению».

Суды также могут испытывать трудности при трактовке косвенного умысла и квалификации умышленных преступлений.

---

¹ Классен, М.А. Указ. соч. – С. 138.

Так, Маликов Р.А. Пластким городским судом Челябинской области осужден за убийство гр. П.П.П. Преступление совершено 04 июня 2011г. в городе Пласте Челябинской области¹.

В кассационной жалобе осужденный Маликов Р.А., не соглашаясь с приговором суда, просил изменить или отменить его, квалифицировать его действия по ч. 1 ст. 109 УК РФ, применить условное осуждение.

В обоснование своих требований ссылался на то, что смерть причинил случайно, по неосторожности. Не согласен с выводом суда о том, что он путался в своих показаниях с целью защиты. Слова «промахнулся, пытался увернуться, координация движения была нарушена», по сути, являются однозначными, поскольку все они характеризуют события того дня. Вывод суда о том, что он сознательно допускал наступление смерти П.П.П., считает необоснованным и неверным. Утверждает, что его умысел был связан с шуткой, с несильным порезом плеча, а бить ножом в жизненно важный орган умысла не было. В своих показаниях он всегда говорил о случайном неосторожном причинении смерти потерпевшему. Не понимает, как можно отвергать его доводы об отсутствии умысла актом судебно-медицинского исследования трупа, из содержания которого следует только описание объективных обстоятельств деяния. Отмечает, что не ожидал, что удар придется в шею, отчего растерялся, однако, осознав, что П.П.П. может умереть, вызвал скорую и закрывал рану руками. Характеризует себя как спокойного, даже в состоянии алкогольного опьянения, человека, любящего работу, нужного своей семье, особенно сейчас, когда подрастает его маленький сын.

В кассационной жалобе адвокат Горбенко СВ., не соглашаясь с приговором суда, просил его изменить, переквалифицировать действия осужденного с ч. 1 ст. 105 УК РФ на ч. 1 ст. 109 УК РФ, снизить наказание и с учетом наличия смягчающих обстоятельств, применить ст. 73 УК РФ.

---

¹ Дело № 1–133/2011//Архив Пластского городского суда Челябинской области за 2011 г.

Считал, что в судебном заседании нашли подтверждение доводы Маликова и защиты о неосторожном причинении смерти потерпевшему. Указывает, что исследованные в судебном заседании доказательства говорят о том, что Маликов не ожидал, что потерпевший может серьезно пострадать и уж тем более – умереть. Об этом свидетельствует его реакция на последствия своих действий – Маликов растерялся, затем спохватился, стал зажимать рану рукой, а когда понял, что это не помогает, побежал звонить в скорую помощь, просил врачей скорее приехать, потому что он «похоже зарезал пацана!». Если бы Маликов в момент нанесения удара ножом сознательно допускал вероятность причинения смерти или вреда здоровью потерпевшего, его реакция на последствия была бы совершенно иной. Последующие действия Маликова свидетельствует о непредвидении им подобных последствий.

Ссылаясь на ст. 25 УК РФ и теорию уголовного права, не согласился с выводами суда о том, что «все действия подсудимого были осознанными и последовательными». Свидетель Б., поясняя, что по внешнему виду и поведению Маликова было видно, что он не ожидал и не желал такого исхода, как смерть потерпевшего. Маликов пояснял ей, что хотел слегка порезать потерпевшему плечо, но попал в шею. Свидетель А. поясняя, что знает обоих, они никогда не ссорились, не дрались, а все больше «дурачились», боролись на руках, шутливо толкали друг друга, когда были в состоянии опьянения. Их отношения она охарактеризовала, как легкомысленные, безо всякого злого умысла.

Свидетели Ф. и С. поясняли, что Маликов хотел ударить ножом в плечо, а получилось, что в шею. Считает, что все доказательства, исследованные в судебном заседании, позволяют сделать вывод о неумышленной (неосторожной) форме вины Маликова в смерти П.П.П.. Указывает, что акт судебно-медицинского исследования раскрывает характеристики объективной стороны состава преступления. Эксперт-медик не может давать

и не давал заключения об особенностях субъективной стороны деяния. Он не давал заключения о намерениях Маликова, его желаниях и стремлениях в момент причинения удара, не рассуждал об умысле на убийство. Считает, что формулировка в приговоре «берет в руку нож, и наносит им удар в жизненно важный орган – в область шеи» не следует из существа исследованных доказательств, следовательно, судом неправильно установлена форма вины, мотив и цель действий Маликова. Обращает внимание, что помимо форм и видов вины на ее степень влияют особенности содержания интеллектуального и волевого процессов, происходящих в психике виновного. Объем и определенность сознания, характер предвидения, преднамеренность, настойчивость в достижении цели могут существенно повлиять на степень вины при умысле.

Отмечает, что суд критикует показания Маликова в части непризнания вины в умышленном причинении смерти, ссылаясь на противоречивость показаний Маликова, данных в разное время в суде и на следствии: «то промахнулся, то пошутил, то потерпевший пытался увернуться, то его координация была нарушена». Эти доводы Маликова, по мнению суда, есть не что иное, как существенные противоречия в показаниях подсудимого, которые, по мнению суда, безусловно, могут свидетельствовать только об одном – Маликов хотел убить П.П.П.. Но это голословная и безосновательная критика. Маликов не давал противоречивых показаний. Он всегда был последователен в описании, как объективных обстоятельств, так и в оценке формы вины, мотива и характера своих действий. Полагает, что в действиях Маликова налицо небрежность, при которой само деяние Маликова лишено сознательного волевого контроля, хотя этот контроль не осуществляется по вине само субъекта, который был в состоянии алкогольного опьянения. Обращает внимание, что суд в приговоре на стр.9, ссылаясь на результаты амбулаторного исследования, указывает на то, что действия Маликова «носили законный характер при правильной ориентировке в окружающем»!

На этой же странице приговора, по результатам того же амбулаторного исследования, суд указывает, что Маликов «мог осознать общественную опасность и фактический характер своих действий и руководить ими при совершении инкриминируемого ему деяния», но категоричного вывода – осознавал, суд все же не делает. Таким образом, по мнению адвоката, суд все-таки допускает, что Маликов мог и не осознавать в тот момент общественную опасность и фактический характер своих действий и руководить ими при совершении инкриминируемого ему деяния.

Указывает на нарушение уголовно-процессуального закона путем несоблюдения процедуры судопроизводства, а именно, не исследовано вещественное доказательство – аудиозапись телефонного звонка Маликова Р.А. в скорую помощь города Пласт. А между тем сама интонация голоса, постановка фраз, стилистика этих фраз могут свидетельствовать о душевном состоянии Маликова после случившегося, о его отношении к последствиям, а значит охарактеризовать субъективную сторону деяния.

Обсудив доводы кассационных жалоб осужденного, его адвоката, оснований для отмены или изменения приговора суда первой инстанции суд апелляционной инстанции не нашел¹.

Мы предлагаем «волевой элемент косвенного умысла трактовать следующим образом: преступление всегда является актом человеческого поведения. Субъектом преступления является вменяемое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности. Вменяемость в свою очередь означает способность лица осознавать характер своего деяния, а также способность руководить своими действиями. Таким образом, во-первых, акт поведения вменяемого лица всегда наделен волей, а во-вторых направлен на достижение определенной цели»². Известный психолог С.Л. Рубинштейн писал: «направляясь на определенную цель действие в своем ходе регулируется соответствием с этой целью». Согласно этимологическому

---

¹ Дело № 1–54/2012//Архив Челябинского областного суда за 2012 г.

² Классен, М.А. Указ. соч. – С. 138.

толкованию цель это «предмет стремления, то, что надо желательно осуществить». Проведя более подробный анализ понимания цели некоторые авторы отмечают: «В психологической науке существуют различные подходы ученых к определению цели. Одни считают, что категория «цель» вообще не научна. Другие, называют цель целесообразным, полезным результатом, ради которого разворачивается поведение. Большинство же сходны во мнении, что цель – осознанный образ будущих результатов, связанный с мотивом».

Далее, «согласно мнению психологов, «воля – это форма психического отражения, в котором отражаемым является объективная цель, стимулы ее достижения, возникающие препятствия, мешающие ее достижению, а отраженным становится субъективная цель, борьба мотивов, волевое усилие; результатом – действие и удовлетворение достижением цели. Волевые процессы проявляются как переживание своеобразного усилия, направленного на преодоление трудностей»¹.

На основании изложенного, принимая во внимание, что концептуальные положения умысла были сформированы, в т. ч. и на теории воли, считаем: «совершая преступление с косвенным умыслом, лицо предвидит наступление ряда альтернативных последствий, одно из которых представляет собой тот самый идеальный результат, которого стремился достичь виновный (цель). Остальные последствия были для виновного лица не желательны, но он сознательно допускал эти последствия либо безразлично к ним относился. Как видно, обозначенный в ч. 3 ст. 25 УК РФ термин «не желал» не означает что лицо, совершая преступление с косвенным умыслом, действует вопреки своим желания, напротив, его воля направлена на то, чтобы совершить задуманное преступление, он желает наступления определенных

---

¹ Классен, М.А. Указ. соч. – С. 139.

последствий, которые являются по своей сути целью преступления, на остальные «побочные последствия» он дает свое заведомое «согласие»¹.

В защиту приведенной позиции считаем целесообразным привести примеры из практики.

04 июля 1993 г. в вечернее время супруги Смирновы употребляли спиртное в гостях у Астафьевой. Поссорившись с мужем, Смирнова ушла домой. Смирнов, придя домой, разбудил жену и стал требовать ключи от гаража. Поскольку она не отдавала ключи, Смирнов ударил ее кулаком в лицо, затем дважды в область поясницы и один раз – в грудь, после чего, приподняв, с силой бросил жену на выступ стены и ушел. Вернувшись около 2 часов ночи, Смирнов обнаружил жену мертвой. Смерть Смирновой наступила от закрытой тупой травмы тела, сопровождающейся травмой органов грудной клетки и живота в виде переломов ребер с обеих сторон, перелома грудины, множественных разрывов плевры, надрыва легких, ушиба сердца, надрыва в области правого предсердия, массового разрыва печени, т. е. тяжких телесных повреждений опасных для жизни.

В ходе предварительного следствия, а также в суде Смирнов показал, что обладает большой физической силой, и когда, схватив жену двумя руками, приподнял и швырнул на стену, та полетела, «как мешок», ударившись, упала на пол, приподнялась на руках, но встать не смогла. После этого он ушел из квартиры, а вернувшись, обнаружил жену мертвой. Смирнов пояснил также, что после нанесения жене ударов у него опухла кисть руки, он считает, что ударом мог сломать ей ребра, а если бы пнул – «перешиб бы пополам», когда бросал жену не рассчитал силу.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Республики Хакасия квалифицировала действия Смирнова по ст. 106 (ч. 1 ст. 109) УК.

Заместитель Председателя Верховного Суда РФ в протесте поставил вопрос об отмене кассационного определения.

---

¹ Классен, М.А. Указ. соч. – С. 139.

Президиум Верховного Суда Республики Хакасия протест удовлетворил, указав «кассационная инстанция не дала надлежащей правовой оценки доказательствам. По смыслу ст. 106 УК, преступные действия, повлекшие смерть потерпевшего, могут расцениваться как неосторожное причинение смерти лишь в том случае, когда виновный не имел умысел ни на причинение смерти потерпевшему, ни на причинение ему тяжкого телесного повреждения».

Из приведенного примера следует, что лицо, совершая преступление, предвидело различные варианты развития событий. Каждый из этих вариантов лицо сознательно допускало. Однако желание лица, цель его действий заключалась не в том, чтобы наступило самое тяжкое последствие. Соответственно, мы можем уверенно говорить о том, что лицо не желает, но сознательно допускает наступление последствия, и наше утверждение в этом случае не будет противоречить психологической концепции вины и свидетельствовать об отсутствии мотивации.

Завершая рассмотрение общих положений, касающихся умысла, остановимся на следующих основных моментах.

История умысла неотрывна от истории развития института вины в уголовном праве.

Анализ таких памятников русского права, как Договор Руси с Византией 911 года, Русская Правда позволяет сделать вывод, что субъективное восприятие совершенного преступления никак не увязывалось с ответственностью и наказанием.

Смещение понятия вины и виновности из материальной сферы в душевно-эмоциональную наблюдается в XVII веке.

Окончательно отказалось от материальной вины Уложение 1649 г.

Развитие идей умысла во многом подготавливало почву для перемещения понятий вины в область психической деятельности человека. Это неизбежно означало и кризис «материальной» вины.

После государственных преобразований Петра I многие нормы права XVII в. Фактически утратили силу.

Анализ всех положений законодательства XIX в. позволяет сделать вывод о том, что законодательству того периода выделяло так называемый «голый умысел» и предусматривало за его наличие ответственность.

Умышленная вина получила достаточно детальную регламентацию в Уголовном Уложении 1903 г.

Вместе с тем отметим, что Уголовное Уложение 1903 г. полностью не было введено в действие.

Термин «вина», «виновность» встречаются в первых декретах Советского государства. Понятие умышленной вины отсутствовало. Вместе с тем некоторые деяния содержали указания на цель и заведомость, что свидетельствовало об умышленном характере преступления.

В целом анализ отечественного законодательства по вопросам исторического развития умысла показал, что на примере рассмотренных законодательных актов четко прослеживается эволюция уголовно-правовых взглядов, которая способствовала не просто декларации умышленной вины, но и наделила умысел существенными признаками – сознавало, желало, допускало.

Кроме того, в целом считаем, что способность человека оценивать свое поведение и руководить своими действиями занимает центральное место в решении вопроса о привлечении к уголовной ответственности.

Что касается уголовно-правовых аспектов умысла, то развитие теоретических представлений об умысле в российской науке уголовного права исторически происходило в рамках общего учения о вине.

При определении умысла мы придерживаемся следующей позиции: «умысел есть нормативно определяемое виновное психическое отношение к совершаемому преступному деянию, основанное на отрицании личностной

значимости установленного уголовным законом порядка общественных отношений в сфере охраны основных социальных ценностей»¹.

Психологические аспекты умысла заключаются в интеллектуальных и волевых элементах.

Первые выражаются в осознании лицом, совершающим преступление, общественно опасного характера своих действий или бездействия, волевые элементы заключаются в желании совершить преступление.

---

¹ Паньков, И.В. Теоретические аспекты умышленной вины по российскому уголовному праву / И.В. Паньков // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. – № 65. – С. 260.

2 ВИДЫ УМЫСЛА И ИХ ВЛИЯНИЕ НА КВАЛИФИКАЦИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

2.1 Прямой и косвенный умысел: критерии деления и некоторые аспекты квалификации

В статье 25 УК впервые законодательно закреплено деление умысла на прямой и косвенный. Правильное установление вида умысла имеет немалое юридическое значение. Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)»¹ подчеркнул, что при назначении наказания в числе прочих обстоятельств суды обязаны учитывать вид умысла, мотив и цель преступления.

«Преступление признается совершенным с прямым умыслом, если лицо, его совершившее, осознавало общественную опасность своего действия (бездействия), предвидело возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желало их наступления (ч. 2 ст. 25 УК).

Осознание общественно опасного характера совершаемого деяния и предвидение его общественно опасных последствий характеризуют процессы, протекающие в сфере сознания, и поэтому образуют интеллектуальный элемент прямого умысла, а желание наступления указанных последствий относится к волевой сфере психической деятельности и составляет волевой элемент прямого умысла.

Осознание общественно опасного характера совершаемого деяния – это понимание его фактического содержания и социального значения. Оно включает представление о характере объекта преступления, содержании действий (бездействия), посредством которых осуществляется посягательство, а также о тех фактических обстоятельствах (время, место,

---

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» от 27.01.1999 № 1 // Российская газета. – 1999. – 9 февраля.

способ, обстановка), при которых происходит преступление. Отражение всех этих компонентов в сознании виновного дает ему возможность осознать общественную опасность совершаемого деяния»¹.

Так в соответствии с Пленумом Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29² если в ходе совершения кражи действия виновного обнаруживаются собственником или иным владельцем имущества либо другими лицами, однако виновный, сознавая это, продолжает совершать незаконное изъятие имущества или его удержание, содеянное следует квалифицировать как грабеж, а в случае применения насилия, опасного для жизни или здоровья, либо угрозы применения такого насилия – как разбой.

И напротив, если осознание общественной опасности отсутствует, то отсутствует и умысел и как следствие и состав преступления.

Так, в соответствии с Постановлением Пленума Верховного суда РФ от 09.07.2013 г. № 24³ если лицо, передавшее имущество, предоставившее имущественные права, оказавшее услуги имущественного характера за совершение должностным лицом действий (бездействие) по службе, осознавало, что указанные ценности не предназначены для незаконного обогащения должностного лица либо его родных или близких, содеянное им не образует состав преступления, предусмотренный статьей 291 либо статьей 291.1 УК РФ.

Осознание общественной опасности деяния не тождественно осознанию его противоправности, т. е. запрещенности уголовным законом. В подавляющем большинстве случаев при совершении умышленных преступлений виновный осознает их противоправность. Однако закон не включает осознание противоправности совершаемого деяния в содержание

---

¹ Кораблева, С.Ю. Указ. соч. – С. 55.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» от 27.12.2002 № 29 // Российская газета. – 2003. – 18 января.

³: Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» от 09.07.2013 г. № 24 // Российская газета. – 2013. – 17 июля.

этой формы вины, поэтому преступление может быть признано умышленным и в тех (весьма редких) случаях, когда виновный не осознавал противоправность совершенного деяния.

Так, Казикин В.С. признан виновным в хищении путем обмана имущества ООО ПФК, совершенном с использованием своего служебного положения, в особо крупном размере в период с 08 августа 2000 года до 18 марта 2010 года в Правобережном районе г. Магнитогорска.

Осужденный Казикин В.С. в апелляционной жалобе просил приговор отменить в связи с несоответствием выводов суда фактическим обстоятельствам уголовного дела, нарушением уголовно-процессуального закона, неправильным применением уголовного закона и вынести оправдательный приговор. В обоснование доводов указывал, что суд первой инстанции в нарушение требований ст. 252 УПК РФ вышел за рамки обвинения, квалифицировав действия осужденного как единое продолжаемое преступление, в совершении которого ему обвинение не предъявлялось. Отмечал, что в судебном заседании сторона защиты обращала внимание на указанные обстоятельства, однако суд не дал этому надлежащей правовой оценки и вышел за пределы предъявленного обвинения, ухудшив положение осужденного и нарушив его право на защиту. Приводя положения п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2007 года №51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», находил сам по себе абсурдным и основанным на неверном толковании норм материального права вывод суда о совершении хищения, охватываемого единым умыслом, на протяжении 10 лет. Полагал, что выводы суда о том, что продажа Г.А. В. акций ОАО лицам из окружения Казикина В.С. имела целью придать дальнейшему хищению имущества видимость законных действий, не подтверждается исследованными доказательствами, поскольку стоимость проданных акций не устанавливалась, а из показаний покупателей акций следует, что они не являлись лицами из окружения осужденного. Отмечал

противоречия в выводах суда относительно предмета описанного в приговоре единого продолжаемого хищения. Полагал, что выводы суда относительно объективной стороны инкриминируемых преступлений не соответствуют фактическим обстоятельствам дела, сделаны с существенным нарушением уголовно-процессуального закона и основаны на неправильном применении уголовного закона. В обоснование доводов жалобы в этой части указывал, что в течение 4 лет нахождения акций ОАО на счете неустановленного лица ни одного обращения от лиц, имеющих правопритязания на указанные акции, несмотря об уведомлении о списании акций, не поступило; объективной предпосылкой для списания акций явились результаты аудиторской проверки; судом не учтено, что, исходя из обвинения, действия Казикина В.С. должны были быть окончены 09 декабря 2004 года – с момента издания приказа о списании акций, а не 27 декабря 2004 года – с даты покупки акций Г.А.В.; судом оставлено без должной оценки то обстоятельство, что выгодоприобретателем от, якобы, противоправных действий осужденного являлся не он сам, а ОАО, получившее в свою собственность акции, ранее принадлежавшие потерпевшему, оно же получило в последующем денежные средства от продажи данных акций Г.А.В., что не подтверждает вывод суда о том, что Казикин В.С. преследовал цель извлечения выгод материального характера, и свидетельствует об отсутствии корыстного мотива, являющегося необходимым элементом состава мошенничества. По мнению автора жалобы, по делу установлены обстоятельства, позволявшие ему усомниться в наличии у потерпевшего права на акции ОАО – отсутствие сведений об оплате акций ООО ПФК и заключение независимых аудиторов, что исключает наличие прямого умысла, а, следовательно, и возможность совершения хищения. Полагал, что сложившаяся ситуация представляет собой корпоративный спор, подлежащий разрешению в порядке гражданского (арбитражного) судопроизводства, как это, в частности,

следует из решения Арбитражного суда Челябинской области от 20 января 2010 года, принятого по иску потерпевшего об истребовании акций из чужого незаконного владения. Обращал внимание на то, что, указав в приговоре на злоупотребление Казикиным В.С. своими полномочиями и причинение имущественного ущерба ООО ПФК, суд поставил под сомнение правильность квалификации действий осужденного, так как данные признаки состава преступления предусмотрены ст. ст. 165 и 201 УК РФ. Отмечал, что суд не привел мотивы, по которым отверг указанные доводы стороны защиты. Одновременно ссылался на то, что, независимо от квалификации содеянного по эпизоду 2004 года, уголовное дело в этой части подлежало прекращению в связи с истечением срока давности уголовного преследования, однако суд в нарушение уголовно-процессуального закона соответствующее ходатайство осужденного не разрешил ни путем вынесения отдельного постановления, ни в приговоре. Считал, что выводы суда об обстоятельствах продажи имущества ОАО в 2009–2010 годах не подтверждаются доказательствами, исследованными в ходе судебного разбирательства, поскольку по данному эпизоду Казикину В.С. вменено хищение того же имущества (79 % ООО ПФК в уставном капитале открытого акционерного общества), которое он ранее похитил, но уже в виде стоимости различного имущества ОАО, проданного третьим лицам. Признание его виновным в хищении акций в декабре 2004 года, по мнению осужденного, предопределяет необходимость его оправдания по обвинению в совершении второго мошенничества в связи с тем, что, похитив ранее имущество потерпевшего в виде имущественных прав ОАО, он не мог похитить его снова. Утверждал, что выводы суда о совершении хищения в 2009–2010 годах не основаны на представленных доказательствах; в приговоре не указано, в чем заключалась противоправность продажи имущества ОАО, потерпевшим по делу не признанного, и какова в этом роль осужденного,

который директором указанной организации к тому времени не являлся, решений о продаже имущества не принимал, денег от этого не получал.

Суд апелляционной инстанции приговор в отношении Казикина В.С. отменил, уголовное дело по обвинению Казикина В.С. возвратил прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом¹.

Предвидение – это отражение в сознании тех событий, которые обязательно произойдут, должны или могут произойти в будущем. Оно означает мысленное представление виновного о том вреде, который причинит или может причинить его деяние объекту посягательства. При прямом умысле предвидение включает, во-первых, представление о фактическом содержании предстоящих изменений в объекте посягательства, во-вторых, понимание их социального значения, т. е. вредности для общества, в-третьих, осознание причинно-следственной зависимости между действием или бездействием и общественно опасными последствиями.

Так, Нязепетровским районным судом Челябинской области Шагидуллин Л.Г. признан виновным и осужден за причинение А. Э.М. смерти по неосторожности².

В апелляционном представлении с дополнениями заместитель прокурора Нязепетровского района Челябинской области Свиридов Е.А. просил приговор отменить в связи с несоответствием выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела, нарушением уголовно-процессуального закона, неправильным применением уголовного закона и его несправедливостью, постановив по делу новый обвинительный приговор, признав Шагидуллина Л.Г. виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ.

Приводя содержание предъявленного осужденному обвинения, автор представления полагал, что виновность Шагидуллина Л.Г. в совершении

---

¹ Дело № 10–3993/2015//Архив Челябинского областного суда за 2015 г.

² Дело № 1–1/2014//Архив Нязепетровского районного суда Челябинской области за 2015 г.

преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ, подтверждается показаниями свидетелей М. А.Ф., М. А.В., Б. Р.С, согласно которым между Шагидуллиным Л.Г. и А.Э.М. произошел словесный конфликт из-за того, что последний пнул машину Шагидуллина Л.Г. После чего между ними завязалась драка, в ходе которой у Шагидуллина Л.Г. получилось бросить А. Э.М. При падении, в результате произведенного броска, потерпевший падал на асфальт головой вниз спиной вперед, ударился затылочной частью головы об асфальт, ноги были запрокинуты вверх. Удар головой получился сильным и хлестким. При этом осужденный продолжал удерживать потерпевшего за одежду. Затем Шагидуллин Л.Г. взял двумя руками голову А. Э.М. и не менее трех-четырёх раз приподнимал ее от земли и резко ударял таким образом, что голова потерпевшего соударялась с асфальтовым покрытием дороги затылочной частью. Данные удары он наносил с силой и злостью. Потерпевший в это время находился без сознания и не оказывал сопротивления Шагидуллину Л.Г. Когда свидетель М.А.Ф. попытался оттащить Шагидуллина Л.Г. за кофту, к нему подошел С. В. и сказал, чтобы он не вмешивался, оттащив его за одежду. После этого осужденный еще не менее трех-четырёх раз ударил кулаком правой руки в область лица потерпевшего.

Рассмотрев представление заместителя прокурора суд апелляционной инстанции переквалифицировал действия Шагидуллина Л.Г. с ч. 1 ст. 109 УК РФ на ч. 1 ст. 118 УК РФ, указав следующее: «...Субъективная сторона преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ, характеризуется двойной формой вины: умыслом на причинение тяжкого вреда здоровью и неосторожностью по отношению к наступившему последствию – смерти потерпевшего.

В силу ст. 25 УК РФ преступление признается совершенным с прямым умыслом, если виновное лицо предвидело наступление последствий своих действия и желало их наступления, с косвенным умыслом – предвидело

возможность наступления общественно опасных последствий, не желало, но сознательно допускало эти последствия либо относилось к ним безразлично. Наличие возможности предвидеть последствия своих действий в соответствии с ч. 3 ст. 26 УК РФ является одним из условий для признания лица виновным в совершении преступления по неосторожности в форме преступной небрежности.

В силу ст. 307 УПК РФ описательно-мотивировочная часть обвинительного приговора должна содержать описание преступного деяния, признанного доказанным судом, с указанием в том числе формы вины, но в рамках предъявленного подсудимому обвинения, поскольку в соответствии со ст. 252 УПК РФ судебное разбирательство проводится только в отношении обвиняемого и лишь по предъявленному ему обвинению. Изменение обвинения в судебном разбирательстве допускается, если этим не ухудшается положение подсудимого и не нарушается его право на защиту.

Таким образом, по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ч. 4 ст. 111 УК РФ, форма вины по отношению как к причинению тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни человека, так и к смерти потерпевшего, подлежит доказыванию, она должна быть указана в описании преступления, как в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, так и в обвинительном заключении.

В соответствии со ст. 389.19 УПК РФ, при рассмотрении уголовного дела в апелляционном порядке суд не связан с доводами апелляционных жалобы, представления и вправе проверить производство по уголовному делу в полном объеме.

Вместе с тем в соответствии со ст. 389.24 УПК РФ обвинительный приговор суда первой инстанции может быть изменен в сторону ухудшения положения осужденного не иначе как по представлению прокурора либо жалобе потерпевшего.

Принимая во внимание требования закона о недопустимости ухудшения положения осужденного без соответствующих доводов стороны обвинения, судебная коллегия приходит к выводу, что апелляционное представление в части переквалификации действий осужденного на ч. 4 ст. 111 УК РФ удовлетворению не подлежит.

Так, согласно обвинительному заключению, в ходе конфликта у Шагидуллина Л.Г. возник умысел на причинение телесных повреждений А. Э.М. Далее при описании субъективной стороны преступления органы предварительного следствия указали на наличие у осужденного умысла на причинение вреда здоровью А. Э.М. и телесных повреждений, не вменив таким образом умысел на причинение тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни человека.

Кроме того, органы следствия вообще не указали форму вины Шагидуллина Л.Г. по отношению к наступлению смерти потерпевшего. Не указано в обвинительном заключении и на наличие причинно-следственной связи между действиями Шагидуллина Л.Г. и наступившими последствиями в виде кровоподтеков и ссадин лица А. Э.М., имеющих признаки легкого вреда здоровью, обнаруженных при судебно-медицинском исследовании.

Вместе с тем изложенное в силу ст. 252 УПК РФ определяет пределы судебного разбирательства.

Кроме того, обосновывая решение о квалификации содеянного осужденным по ч. 1 ст. 109 УК РФ, суд тем не менее в приговоре указал, что Шагидуллин Л.Г., совершая бросок А. Э.М. через себя, не мог предвидеть наступления смерти последнего, соответственно, в силу ст. 28 УК РФ суд фактически пришел к выводу о невиновном причинении смерти.

Между тем в апелляционном представлении с дополнениями прокурор, оспаривая правильность квалификации действий осужденного, данной судом первой инстанции, ссылаясь на несоответствие выводов суда фактическим обстоятельствам уголовного дела, неправильное применение УК РФ и

существенное нарушение УПК РФ, обосновывает свои доводы лишь изложением исследованных в судебном заседании доказательств, полагая, что судом надлежащая оценка им не дана. Помимо этого обращает внимание на противоречия в выводах суда только относительно нанесения Шагидуллиным Л.Г. трех ударов головой потерпевшего об асфальт.

Таким образом, фактически прокурором не оспаривается ни правильность предъявленного осужденному обвинения и изложенного в обвинительном заключении описания преступного деяния, признанного доказанным органами предварительного следствия, ни выводы суда первой инстанции о невиновном причинении смерти. Не ставит автор представления и вопрос о возвращении уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ.

При таких обстоятельствах суд апелляционной инстанции лишен права по собственной инициативе решить вопрос о возвращении уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ, поскольку положение осужденного может быть ухудшено, что в силу закона при отсутствии соответствующих доводов является недопустимым.

Отсутствуют основания и для переквалификации действий осужденного на ч. 4 ст. 111 УК РФ либо оставления без изменения приговора в части осуждения Шагидуллина Л.Г. по ч. 1 ст. 109 УК РФ, в силу того, что каждое из этих преступлений предусматривает наступление последствий в виде причинения потерпевшему смерти по неосторожности, в то время как судом первой инстанции установлено, что смерть потерпевшему причинена осужденным невиновно.

Таким образом, с учетом объема предъявленного Шагидуллину Л.Г. обвинения, никем неоспоренных выводов суда о том, что осужденный не мог предвидеть наступление смерти А. Э.М., судебная коллегия полагает возможным квалифицировать его действия, установленные приговором,

только по ч. 1 ст. 118 УК РФ, как причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего по неосторожности»¹.

Другой пример, в определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ по делу Ф. указано, что ее осуждение за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью является необоснованным, поскольку обстоятельства совершения преступления не позволяют утверждать, будто Ф. предвидела, что в результате ее действий потерпевшая упадет и получит закрытый перелом шейки левого бедра со смещением, поэтому квалификация деяния как умышленного преступления исключается. В данном случае Ф. не осознавала причинно-следственной зависимости между своими действиями и причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшей и не предвидела такого последствия, поэтому прямой, да и вообще умысел исключается.

Предвидение общественно опасных последствий входит в содержание умысла только при совершении преступлений с материальным составом. Поскольку в преступлениях с формальным составом последствия не включены в объективную сторону, ни интеллектуальное, ни волевое отношение к ним в содержание умысла не входят.

В соответствии с законом (ч. 2 ст. 25 УК) прямой умысел характеризуется, в частности, предвидением возможности или неизбежности наступления общественно опасных последствий, что составляет интеллектуальный элемент этого вида умысла. Лишь в отдельных случаях лицо, совершающее преступление с прямым умыслом, предвидит общественно опасные последствия не как неизбежные, а лишь как реально возможные. Такая ситуация складывается, если избранный виновным способ посягательства объективно способен с примерно равной степенью вероятности вызвать разноплановые последствия. Например, выбрасывая малолетнего ребенка из окна третьего этажа дома, виновный понимает, что и смерть, и любой тяжести вред здоровью потерпевшего будут в зависимости

---

¹ Дело № 10–3680/2015//Архив Челябинского областного суда за 2015 г.

от обстоятельств падения (например, на ветви дерева или в сугроб) одинаково закономерным результатом этого преступления. В подобных случаях желаемое последствие (смерть) является закономерным, но не единственно возможным результатом совершенных действий, поэтому оно предвидится не как неизбежный, а как реально возможный результат деяния.

Волевой элемент прямого умысла характеризует направленность воли субъекта. Он определяется в законе как желание наступления общественно опасных последствий.

Желание – это, по сути, стремление к определенному результату. Оно вовсе не означает, что последствия преступления приятны или просто выгодны виновному. Желание может иметь различные психологические оттенки. При прямом умысле оно заключается в стремлении к определенным последствиям, которые могут выступать для виновного в качестве: 1) конечной цели (убийство из ревности, по мотиву кровной мести); 2) промежуточного этапа (убийство с целью облегчить совершение другого преступления); 3) средства достижения цели (убийство с целью получения наследства); 4) необходимого сопутствующего элемента деяния (убийство путем взрыва, если вместе с намеченной жертвой неизбежно погибнут и другие люди).

Законодательное определение прямого умысла ориентировано на преступления с материальным составом, поэтому желание связывается в нем только с общественно опасными последствиями,

Косвенный умысел в соответствии с законом (ч. 3 ст. 25 УК) имеет место, если лицо, совершившее преступление, осознавало общественную опасность своего действия (или бездействия), предвидело возможность наступления общественно опасных последствий и, хотя и не желало, но сознательно допускало их либо относилось к ним безразлично.

Осознание общественно опасного характера деяния имеет одинаковое содержание как при прямом, так и при косвенном умысле. Но характер

предвидения общественно опасных последствий при прямом и при косвенном умысле не совпадает.

Уголовный кодекс связывает предвидение неизбежности наступления общественно опасных последствий исключительно с прямым умыслом (ч. 2 ст. 25). Напротив, косвенному умыслу свойственно предвидение только возможности наступления общественно опасных последствий (ч. 3 ст. 25 УК). При этом субъект предвидит реальную возможность наступления таких последствий, т. е. считает их закономерным результатом развития причинной связи именно в данном конкретном случае. Таким образом, предвидение неизбежности наступления преступных последствий исключает косвенный умысел.

Итак, интеллектуальный элемент косвенного умысла характеризуется осознанием общественной опасности совершаемого деяния и предвидением реальной возможности наступления общественно опасных последствий.

Волевой элемент этого вида умысла характеризуется в законе как отсутствие желания, но сознательное допущение общественно опасных последствий, либо безразличное к ним отношение (ч. 3 ст. 25 УК).

При косвенном умысле общественно опасное последствие – это чаще всего побочный продукт преступных действий виновного, а сами эти действия направлены к достижению иной цели, всегда находящейся за рамками данного состава преступления. Виновный не стремится причинить общественно опасные последствия.

Однако подчеркнутое законодателем отсутствие желания причинить вредные последствия означает лишь отсутствие прямой заинтересованности в их наступлении; его нельзя понимать как нежелание указанных последствий, стремление их избежать (активное нежелание). На самом деле сознательное допущение означает, что виновный вызывает своими действиями определенную цепь событий и сознательно, т. е. осмысленно, намеренно допускает развитие причинно-следственной цепи, приводящее к

наступлению общественно опасных последствий. Сознательное допущение есть активное переживание, связанное положительным волевым отношением к последствиям, при котором виновный заранее соглашается с наступлением общественно опасных последствий, готов принять их как плату за достижение конечной цели деяния. Именно положительное, одобрительное отношение к последствиям сближает сознательное допущение с желанием, делает их разновидностями волевого содержания одной и той же формы вины.

Волевое содержание косвенного умысла может проявиться и в безразличном отношении к наступлению общественно опасных последствий. Оно, по сути, мало чем отличается от сознательного допущения и означает отсутствие активных эмоциональных переживаний в связи с общественно опасными последствиями, реальная возможность наступления которых отражается опережающим сознанием виновного. В этом случае субъект причиняет вред общественным отношениям, что называется, «не задумываясь» о последствиях совершаемого деяния, хотя возможность их причинения представляется ему весьма реальной.

Прямой и косвенный умысел – это виды одной и той же формы вины, поэтому между ними много общего.

Интеллектуальный элемент обоих видов умысла характеризуется осознанием общественной опасности совершаемого деяния и предвидением его общественно опасных последствий. Общим для волевого элемента прямого и косвенного умысла является положительное, одобрительное отношение к наступлению предвидимых общественно опасных последствий.

Различие в содержании интеллектуального элемента прямого и косвенного умысла состоит в неодинаковом характере предвидения последствий. Если прямой умысел характеризуется предвидением, как правило, неизбежности, а иногда реальной возможности наступления общественно опасных последствий, то косвенному умыслу присуще

предвидение только реальной возможности наступления таких последствий. Но основное различие между прямым и косвенным умыслом заключается в неодинаковом характере волевого отношения субъекта к последствиям. Положительное отношение к ним при прямом умысле выражается в желании, а при косвенном умысле – в сознательном допущении либо в безразличном отношении.

Установление вида умысла очень важно для правильной квалификации преступления.

«Законодательное деление умысла на прямой и косвенный имеет немалое практическое значение. Строгое разграничение обоих видов умысла необходимо для правильного применения ряда уголовно-правовых институтов (приготовление, покушение, соучастие и др.).

Так, по общему правилу, соучастие совершается с прямым умыслом, поскольку объединение психических и физических усилий нескольких лиц для совершения преступления трудно себе представить без соответствующего желания.

При соучастии имеет место согласованная и целенаправленная деятельность для достижения желаемой цели – преступного результата. Такие субъективные признаки характерны именно для прямого умысла.

Однако теория и практика признают возможность соучастия и с косвенным умыслом, например при исполнительстве и пособничестве.

Как установил по одному из уголовных дел Красноглинский районный суд Самары, С. и И., находясь в состоянии опьянения, договорились совершить хищение икон и старинных книг из дома 76-летней А. Проникнув в дом, они напали на нее, связали и вставили в рот кляп. Поскольку А. оказала активное сопротивление, С. нанес ей несколько ударов ногами по голове и телу, причинив тяжкий вред здоровью в виде перелома костей носа, скуловых костей и основания черепа. В результате механической асфиксии, развившейся вследствие введения С. тряпичного кляпа в рот потерпевшей А.,

последняя скончалась на месте происшествия. Это преступление было правильно квалифицировано как совершенное с косвенным умыслом»¹.

Другой пример.

П.Е., Б.А. и Т.А.А., в начале марта 2009 года разработали план нападения на ФИО74, согласно которому П.Е. на автомашине «UBARU LEGACY B-4» доставит Б.А. и Т.А.А. к месту нападения и обеспечит их безопасный отход, Т.А.А. должен избить ФИО74 отрезком металлической трубы, а Б.А., вооруженный отрезком металлической трубы должен обеспечить безопасность нападения, наблюдая за обстановкой и при необходимости оказать помощь Т.А.А.

Примерно в 18 часов 00 минут П.Е., Б.А. и Т.А.А., по указанию К.А., согласованно с ним и С., с целью нападения на ФИО74 на автомашине «SUBARU LEGACY B-4» под управлением П.Е. прибыли к автостоянке у здания Юридического института ДВГУ, где стали ожидать появления потерпевшего.

Когда, примерно в 20 часов 20 минут потерпевший припарковал на стоянке автомашину и направился домой, Б.А. и Т.А.А., вооружившись приготовленными отрезками металлических труб, направились следом за ним, а П.Е., выполняя свою роль, перегнал автомашину в заранее условленное место, где стал ожидать возвращения Б.А. и Т.А.А.

Проследовав за потерпевшим, Б.А. и Т.А.А. напали на него, Т.А.А. нанес потерпевшему отрезком металлической трубы не менее 3 ударов в область головы и спины, причинив ему черепно-мозговую травму в виде: ушиба головного мозга средней тяжести, перелома наружной пластинки правой теменной кости, с ушибленными ранами волосистой части головы, а Б.А. согласно своей роли, наблюдал за окружающей обстановкой, обеспечивая безопасность совершения нападения, находясь в готовности оказать помощь Т.А.А.

---

¹Алексеев, С.В. Структура субъективных признаков группового преступления / С.В. Алексеев / Российский юридический журнал. – 2010. – № 6. – С. 106.

После нападения Б.А. и Т.А.А. на автомашине «SUBARU LEGACY В-4» под управлением П.Е. скрылись.

В первой половине марта 2009 года К.А. получив от П.Е. информацию об обстоятельствах нападения на потерпевшего, передал ему вознаграждение в сумме 30000 рублей, которые П.Е., Т.А.А. и Б.А. разделили между собой, а К.А. доложил о нападении С.

Судом установлено следующее: «признано доказанным совершение К.А., Т.А.А., П.Е., Б.А. нападения на потерпевшего с целью завладения его имуществом, в ходе которого потерпевшему были причинены телесные повреждения, повлекшие его смерть 07.02.2009.

Согласно заключению эксперта причиненная потерпевшему открытая черепно-мозговая травма расценивается как тяжкий вред здоровью. Смерть ФИО73 стоит в прямой причинной связи с повреждением.

Как признано доказанным, согласно разработанному плану, потерпевший должен был быть избит металлическими трубами, а его имущество похищено; этот план К.А. был доведен до сведения Т.А.А., П. и Б.А., К.А. заранее подготовил 2 отрезка трубы и непосредственный исполнитель нападения Т.А.А. нанес одним из них потерпевшему в жизненно-важный орган – голову не менее трех ударов, причинив телесные повреждения, повлекшие смерть потерпевшего, а другой соучастник Б.А. с отрезком трубы находился в непосредственной близости, в готовности поддержать Т.А.А. П. же, в соответствии с отведенной ему ролью привез соучастников на место нападения на автомашине, предоставленной ему для этой цели К.А. и после осуществления задуманного, увез их с места нападения.

Также доказано, что при осуществлении общего плана К.А., Т.А.А., П., Б.А. не желали, но предвидели и допускали, что в результате избиения потерпевшего может наступить его смерть, что в совокупности с характером причиненных потерпевшему телесных повреждений, примененным орудием преступления, свидетельствует о наличии у названных подсудимых

косвенного умысла на лишение жизни потерпевшего и дает основания для квалификации их действий по ст. 105 УК РФ»¹.

В другом случае суд прямо указывает на тот факт, что законом не определен вид умысла при соучастии: «Утверждение осужденных и их защитников о том, что при совершении убийства с косвенным умыслом невозможны организация этого преступления и пособничество в его совершении, не основано на законе, поскольку согласно ст. 32 УК РФ соучастием признается умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления. То, что при этом умысел соучастников может быть только прямым, в законе не оговаривается»².

В другом случае суд прямо указывает на возможность косвенного умысла при соучастии: «По смыслу уголовного закона при признании пособничества в убийстве следует исходить из общего понятия соучастия, которое в ст. 32 УК РФ определено как "умышленное совместное участие двух или более лиц в совершенном преступлении" и предусматривает наличие у виновных умысла, как прямого, так и косвенного видов. Тот факт, что Соболев и Ильинский передали Давыдову и Ч. оружие, снаряженное полным комплектом боевых патронов, которое было использовано при убийстве потерпевших, свидетельствует о том, что они осознавали общественную опасность совершенных ими действий по передаче огнестрельное оружия, желали или сознательно допускали наступление общественно опасных последствий в виде смерти потерпевших»³.

«Вместе с тем в науке уголовного права давно существует дилемма о том, какой умысел должен быть в соучастии: только прямой или может быть и косвенный? Законодатель, формулируя форму вины при соучастии,

---

¹ Дело № 2–8/2012// Архив Приморского краевого суда за 2012 г.; Дело № 2-27/2011// Архив Приморского краевого суда за 2011 г.

² Кассационное определение Верховного Суда РФ от 17.12.2008 № 37–008–25 из архива Верховного суда РФ за 2008 г.

³ Определение Верховного Суда РФ от 11.10.2007 по делу № 30–007–18 ... из архива Верховного суда РФ за 2007 г.

оперирует термином «умышленная», допуская таким образом как прямой, так и косвенный умысел.

Сторонники данной позиции, отстаивая свою точку зрения, приводят следующие аргументы. В.С. Комиссаров утверждает, что соучастие с косвенным умыслом возможно при исполнении и пособничестве, а также при совершении преступлений, в которых допускается прямой и косвенный умысел. В других же случаях в формальных составах и в тех преступлениях, когда цель прямо указана в диспозиции статьи или вытекает из содержания деяния, соучастие возможно только с прямым умыслом»¹.

А.В. Наумов указывает, что «соучастие с косвенным умыслом возможно только в материальных составах, при формальном составе умысел должен быть только прямой»².

А.Ф. Зелинский отмечает, что «необходимо различать субъективное психическое отношение лица к последствиям совершаемого в соучастии преступления и психическое отношение соучастника к самому факту присоединения к преступной деятельности других лиц. Если форму вины соучастников определять исходя из отношения к последствиям совместно совершаемого преступления, то следует признать, что вина может быть в виде как прямого, так и косвенного умысла».

Однако некоторые авторы полагают, что соучастие возможно только при наличии прямого умысла.

Так, Ф.Г. Бурчак указывал, что при совершении преступления с косвенным умыслом лицо совершает его для достижения желаемого результата, при этом понимая, что своими действиями вызывает и побочный результат. В соучастии результат должен быть общий, желаемый, тот, на который направлено поведение всех соучастников. Побочный результат, причиняемый исполнителем, неприменим к соучастникам, действующим для достижения общей, единой цели.

---

¹ Алексеев, С.В. Указ. соч. – С. 107.

² Алексеев, С.В. Указ. соч. – С. 107.

М.И. Ковалев, отстаивая свою позицию, утверждал, что «конструктивным моментом умысла соучастников является намерение совершить преступление или участвовать в его совершении. Намерение возбудить в другом лице решимость совершить преступление или содействовать ему всегда свидетельствует о наличии у соучастников прямого умысла независимо от целей и мотивов, сопутствующих ему. С данной позицией соглашается и А. В. Шеслер¹.

Также деление умысла на прямой и косвенный необходимо для квалификации преступлений, законодательное описание которых предполагает только прямой умысел.

Например, мировым судьей судебного участка № 2 города Снежинска Челябинской области Денисенко А.В. осужден за незаконное проникновение в жилище, совершенное против воли проживающего в нем лица, с применением насилия к К.Т.Н.

В апелляционном порядке приговор оставлен без изменения.

В кассационной жалобе осужденный просил об отмене состоявшихся по делу судебных решений и прекращении в отношении него уголовного дела в связи с невиновностью. Денисенко А.В. полагал, что данное уголовное дело расследовано и рассмотрено с нарушениями уголовного и уголовно-процессуального законов.

При этом Денисенко А.В. утверждал, что в квартиру потерпевшей не проникал, побои ей не наносил. Органы следствия не захотели устанавливать истину по делу и искать настоящего виновного. Осужденный настаивает на том, что в ночь с 18 на 19 октября 2013 года он находился вместе со знакомой П.О.Ф. на своем садовом участке. Обвинительный приговор постановлен только на показаниях потерпевшей и ее дочери, которые должным образом не проверены. Свидетель К.М.Ю. дала показания со слов К.Т.Н., достоверность этих показаний, по мнению осужденного, также

---

¹ Алексеев, С.В. Указ. соч. – С. 111.

вызывает сомнения. Кроме того, Денисенко А.В. отмечал, что потерпевшая на следствии и в суде говорила в основном о причиненных ей побоях. С заявлением о привлечении его к ответственности за незаконное проникновение в ее квартиру К.Т.Н. обратилась лишь после предложения сотрудников правоохранительных органов. В этой связи осужденный указывает, что субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 139 УК РФ, предполагает наличие только прямого умысла. Когда виновный осознает, что нарушает неприкосновенность жилища и желает этого. Факты, установленные по делу, по мнению осужденного, указывают на то, что гражданин шел к себе домой и до последнего момента не понимал, что ошибся. Поэтому в данном случае виновный не осознавал, что нарушает неприкосновенность чужого жилища. В квартиру потерпевших он вошел как в свою и выгонял их, применяя насилие, как из своей квартиры. В таких действиях состав преступления, предусмотренного ст. 139 УК РФ, отсутствует.

Проверив материалы дела, суд кассационной инстанции решил, что кассационная жалоба подлежит частичному удовлетворению, а судебные решения – изменению по следующим основаниям: «Как усматривается из материалов дела и установлено в приговоре, осужденный, находясь в состоянии алкогольного опьянения, подошел к входной двери квартиры г. Снежинске, в которой проживает семья К. Заблуждаясь в том, что указанная квартира принадлежит ему и он в ней проживает, Денисенко А.В. попытался открыть ключом от своей квартиры замок входной двери квартиры потерпевшей. Далее он требовал открыть ему двери, дергал дверную ручку, звонил в звонок. Когда потерпевшая открыла замок, осужденный с силой дернул дверь на себя и вошел в квартиру, применив насилие к К.Т.Н.

Органы предварительного следствия и мировой судья квалифицировали эти действия Денисенко А.В. как незаконное проникновение в жилище,

совершенное против воли проживающего в нем лица, с применением насилия.

Суд апелляционной инстанции, рассматривая жалобу осужденного, пришел к выводу, что виновный, входя в квартиру К.Т.Н. и применяя к ней насилие, осознавал, что проникает в чужую квартиру.

В подтверждение виновности Денисенко А.В. в совершении указанного преступления судебные инстанции сослались на показания потерпевшей К.Т.Н., свидетелей К.Е.А., К.М.Ю. и других, а также на письменные доказательства.

Так, из показаний потерпевшей следует, что осужденный неоднократно спрашивал у нее и дочери, что они делают в его квартире. А когда они сообщили ему номер квартиры, он начал извиняться, сказал, что ошибся, после чего убежал.

Свидетель К.Е.А. подтвердила показания потерпевшей, дополнив, что, когда ей с мамой удалось вытолкнуть мужчину из квартиры на лестничную площадку, он спросил их «какая это квартира». Они ему ответили «81», после этого мужчина упал на колени, начал извиняться, а потом убежал. Внешность этого мужчины она хорошо запомнила.

Из показаний свидетеля К.М.Ю. видно, что ее квартира расположена на одной площадке с квартирой потерпевшей. Ночью 19 октября 2013 года она, услышав крики, подошла к двери и посмотрела в глазок. На лестничной площадке она увидела соседку К.Т.Н., ее дочь и незнакомого мужчину, который ушел после слов потерпевшей о вызове полиции.

Впоследствии потерпевшая, свидетели К.Е.А. и К.М.Ю. уверенно опознали Денисенко А.В., заявив, что именно он в ночь на 19 октября 2013 года совершил преступные действия.

Версия Денисенко А.В. о его непричастности к преступлению, совершенному в отношении К.Т.Н., тщательно проверялась в ходе разбирательства по делу, обоснованно опровергнута с приведением

убедительных мотивов, не согласиться с которыми нельзя. Всем доказательствам стороны защиты дана надлежащая оценка.

Анализ указанных выше доказательств и других доказательств, приведенных в приговоре, а также сведения о расположении квартиры потерпевшей и квартиры осужденного в соседних домах в угловых подъездах в совокупности подтверждают вывод мирового судьи о том, что осужденный перепутал квартиры.

В то же время мировой судья в нарушение ст. 73 УПК РФ не установил форму вины и мотивы содеянного, не дал оценку тому, что преступление, предусмотренное ст. 139 УК РФ, совершается только с прямым умыслом, когда виновный осознает, что нарушает неприкосновенность жилища, и желает совершить указанные действия.

Между тем из показаний потерпевшей и свидетелей нельзя сделать вывод о наличии у осужденного прямого умысла на незаконное проникновение в чужое жилище.

По делу, бесспорно, установлено, что Денисенко А.В. умысла на нарушение неприкосновенности жилища семьи К. не имел. В силу своего состояния он полагал, что пришел в свою квартиру.

Суд апелляционной инстанции, сделав вывод о наличии у осужденного прямого умысла на совершение указанного преступления, в свою очередь, предположил, что Денисенко А.В. не мог не заметить иной номер квартиры и наличие на лестничной площадке справа еще одной квартиры, которой нет рядом с его квартирой.

В данном случае этот вывод противоречит положениям ч. 2 ст. 302 УПК РФ о том, что обвинительный приговор не может быть основан на предположениях и постановляется лишь при условии, что в ходе судебного разбирательства виновность подсудимого в совершении преступления подтверждена совокупностью исследованных судом доказательств.

В связи с изложенным необходимо сделать вывод о том, что в действиях Денисенко А.В. отсутствует состав преступления, предусмотренный ст. 139 УК РФ.

В то же время мировым судьей и судом апелляционной инстанции исследованы все собранные по делу доказательства, допрошены все участники процесса, установлены все имеющие значение обстоятельства, направления уголовного дела на новое судебное разбирательство не требуется. Находящиеся в деле материалы являются достаточными для правовой оценки действий Денисенко А.В. по применению насилия и принятия решения по существу.

Так, совокупность имеющихся доказательств указывает на то, что Денисенко А.В. умышленно толкнул К.Т.Н., причинив ей согласно предъявленному обвинению и заключению судебно-медицинского эксперта ушибы мягких тканей и кровоподтеки левого плечевого сустава, правого плечевого сустава, правого предплечья, которые не причинили вреда здоровью.

Данные преступные действия Денисенко А.В. совершил с прямым умыслом, с силой отталкивая К.Т.Н. вглубь квартиры, он предвидел возможность причинения ей физической боли и желал этого. Потерпевшая в этот момент не предпринимала каких-либо действий, требующих применения к ней физической силы (фактически не успела воспрепятствовать его вхождению в квартиру), что было очевидно для виновного, даже несмотря на заблуждение осужденного в том, что в его квартире находятся посторонние люди.

Таким образом, действия осужденного необходимо правильно квалифицировать по ч. 1 ст. 116 УК РФ – как совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлекших последствий, указанных в ст. 115 УК РФ»¹.

---

¹ Дело № 44у–159/2014// Архив Челябинского областного суда за 2014 г.

Также в рамках настоящего параграфа полагаем, что «целесообразно рассмотреть вопрос практической ценности широко известного правила об ответственности либо за наступивший результат (при косвенном умысле), либо за желаемый результат (при прямом умысле). Можно констатировать, что оно не применимо к составам, сконструированным по типу формальных, а также к таким материальным, где отсутствие наступивших последствий исключает привлечение лица к уголовной ответственности»¹.

«Действительно, в составах сконструированных по типу формальных, установление и оценка последствий требуется, только если они предусмотрены частями статьи Особенной части УК РФ или ст. 63 Общей части УК РФ в качестве отягчающих ответственность (квалифицирующих) обстоятельств. Знание о форме вины по отношению к указанным последствиям позволяет определить, имеет ли место идеальная совокупность с другим умышленным преступлением (например, разбой, соединенный с умышленным причинением тяжкого вреда здоровью, повлекшим по неосторожности смерть потерпевшего) или же дополнительные вредные последствия охватываются основным составом (например, разбой, в ходе которого был неосторожно причинен тяжкий вред здоровью) или квалифицирующим признаком статьи (например, разбой, соединенный с умышленным причинением тяжкого вреда здоровью). Поэтому отсутствие прямых указаний законодателя на умышленность или неосторожность в отношении квалифицирующих признаков создает дополнительные трудности для правоприменительной практики»².

Что же касается непосредственно прямого и косвенного умысла по отношению к дополнительным тяжким последствиям в составах, сконструированных по типу формальных, то «сама формулировка отягчающих признаков здесь предполагает либо их наличие, даже при

---

¹ Кораблева, С.Ю. Указ. соч. – С. 57.

² Акимочкин, В.И., Кораблева, С.Ю. Виды умысла и их влияние на квалификацию / В.И. Акимочкин, С.Ю. Кораблева // Бизнес в законе. – 2012. – № 2. – С. 124.

выполнении лишь части объективной стороны (например, совершенное в особо крупном размере, с применением насилия, повлекшее разрушения предметов, имеющих особую ценность и т. п.), либо включение их в цель деяния. Следовательно, установление вида умысла представляет теоретический интерес, но на квалификацию не влияет»¹.

Относительно возможности применения правила об ответственности в зависимости от вида умысла к материальным составам, в которых отсутствие наступивших последствий исключает привлечение лица к уголовной ответственности, необходимо отметить следующее. В связи с трудностью отграничения этих преступлений от непроступного поведения уголовно-правовое значение приобретает только стадия оконченного преступления с наступившими последствиями.

«Теоретически, как и любая человеческая деятельность, все эти преступные деяния проходят через стадии приготовления и покушения, но здесь, как правило, не представляется возможным собрать достаточные доказательства, которые позволят утверждать факт приготовления или покушения. Например, при покушении на злоупотребление должностными полномочиями. Если имеет место наступление последствий, предусмотренных ч. 1 ст. 285 УК РФ, то лицо подлежит ответственности только за фактически причиненный вред правам и (или) интересам человека, общества или государства. Если же нет, то имеет место дисциплинарный проступок, даже если должностное лицо, например, пояснит, что его злоупотребления были направлены на то, чтобы отключить жалующимся на него жильцам отопление в морозы.

Итак, только в отношении лишь менее чем десяти составов (убийство, причинение вреда здоровью различной тяжести, хищение и некоторые составы, являющиеся специальными по отношению к перечисленным выше)

---

¹ Акимочкин, В.И. Указ. соч. – С. 125.

существует реальная практическая ценность разграничения прямого и косвенного умысла»¹.

Но и здесь правило об ответственности в зависимости от вида умысла не универсально.

Так, в отношении одного из уголовных дел Президиум Верховного Суда Российской Федерации указал, что «наличие возможности предвидения наступления смерти устанавливается применительно к конкретному лицу с учетом его индивидуальных психологических особенностей, жизненного и профессионального опыта, уровня образования, состояния здоровья и т. п., конкретной объективной ситуации, в которой оказалось данное лицо.

Осужденный Э. в ходе предварительного следствия и в судебных инстанциях последовательно утверждал, что, нанося в темноте удар кулаком потерпевшему, он не предвидел возможности наступления от этих действий смерти. О том, что он не желал и не предвидел наступление смерти потерпевшего, свидетельствуют обстоятельства совершения преступления. Характер действий Э., его последующее поведение также свидетельствуют об отсутствии у него прямого или косвенного умысла на лишение потерпевшего жизни»². То есть практически возможно неосторожное отношение к реально наступившим последствиям в сочетании с косвенным умыслом применительно к менее опасным. В данном случае неосторожное причинение смерти и сознательное допущение тяжкого вреда здоровью.

Следует отметить, что вдумчивого применения требует и частное по отношению к правилу об ответственности в зависимости от вида умысла широко известное утверждение о невозможности покушения с косвенным умыслом. Так, В.В. Лунеев как пример косвенного умысла приводит следующую ситуацию: «Убегая из-под стражи, виновный стреляет в преследующего его милиционера и убивает его, хотя он не желал его смерти,

---

¹ Акимочкин, В.И. Указ. соч. – С. 125.

² Постановление Президиума Верховного Суда РФ № 306–П05 // Бюллетень Верховного Суда. –2005. – № 12.

а лишь стремился таким путем уйти от задержания. Но, стреляя в преследователя, он субъективно допускал, что может убить или тяжело ранить его, либо относился к таким последствиям безразлично, полагаясь на то, как получится, лишь бы избежать задержания»¹. Здесь квалификация не вызывает сомнения. Не вызывает проблем и ситуация, если виновный промахивается, ибо презюмируется, что он и не стремился к причинению вреда.

Но предположим, что преследующих милиционеров два и одного он убивает, а в отношении второго промахивается. В таком случае используется и представляется разумной квалификация деяния как покушение на убийство двух и более лиц, хотя можно утверждать, что психическое отношение виновного к смерти милиционеров во всех трех случаях если не идентично, то схоже. Меняется лишь степень объективизации вины, которая позволяет добавить в формулу изначально презюмируемого косвенного умысла элементы: «не только сознательно допускал возможность их смерти, но и желал ее» или «этот возможный результат входил в намерение виновного», – и рассматривать действия виновного как покушение.

Теперь обратимся к квалификации деяния в зависимости от степени определенности умысла и рассмотрим вопрос о юридическом значении прямого неопределенного умысла в тех случаях, когда преступные действия виновного не привели ни к одному из желаемых им последствий или вызвали не наиболее тяжкое последствие. В юридической литературе можно найти косвенный ответ: «Преступление, совершенное с определенным альтернативным (неопределенным) умыслом, следует квалифицировать как умышленное причинение именно тех последствий, которые фактически наступили»². Либо: «При неопределенном умысле содеянное

---

¹ Лунеев, В.В. Субъективное вменение / В.В. Лунеев. – М.: Спарк, 2000. – С. 38.

² Рарог, А.И. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: Учебник / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. – М.: КОНТРАКТ, ИНФРА-М, 2009. – С. 152.

квалифицируется по фактически наступившему результату. При покушении на преступление с альтернативным умыслом содеянное квалифицируется как покушение на преступление, наименьшее по степени тяжести»¹.

В действительности «легкость» такого решения является его единственным достоинством. Во-первых, в отношении прямого неопределенного умысла оно противоречит анализируемому выше универсальному правилу об ответственности в соответствии с его содержанием и направленностью.

Во-вторых, оно совершенно не применимо к неоконченным хищениям. Если нет доказательств того, что сознанием виновного определен конкретный предмет хищения, то налицо прямой неопределенный умысел.

Последствия не наступили, но лицо подлежит уголовной ответственности вопреки правилу о квалификации по результату при неопределенном умысле: «При квалификации покушения следует иметь в виду, что покушение возможно не только с определенным, но и (хотя крайне редко) с неопределенным (неконкретизированным) умыслом... Так, неудачно взламывая сейф и не зная о размере находящейся в нем суммы денег, лицо должно нести ответственность за покушение на простую кражу»².

В-третьих, даже в случае совершения деяния, направленного на причинение вреда здоровью (жизни), подобное решение возможно лишь для косвенного умысла, где действительно «необоснованной будет презумпция того, что воля субъекта направлена на достижение более тяжких последствий» и вообще какого-либо преступного результата. При прямом даже неопределенном умысле воля направлена на вред, даже если преступные намерения и не конкретизированы, что подтверждается законодательной формулой желая наступления последствий. Например,

---

¹ Уголовное право России. Общая часть: Учебник / под ред. В.П. Ревина. – М.: Юстицинформ, 2009. – С. 245.

² Настольная книга судьи по уголовным делам / под ред. А.И. Рарога. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007. – С. 100.

потерпевшего не просто бросили беспомощным на морозе, но еще и связали, заперли или кинули в ледяную воду. Более того степень объективизации (осуществления) прямого умысла, в том числе неопределенного или альтернативного, может быть различной. И это тоже должно учитываться при формулировании подходящего правила квалификации.

Судебная практика, в тех случаях, когда деяние и, соответственно, воля виновного направлены на причинение вреда, а умысел объективизировался настолько, что позволяет судить о предвидении и желании, в том числе, смерти потерпевшего, последовательно использует формулу покушения на убийство, вне зависимости от реально наступивших последствий. Анализ судебной практики позволяет высказать предположение, что в судебной практике прямой даже неопределенный умысел практически никогда не сочетается с квалификацией по причиненному вреду¹.

Так, Президиум Верховного Суда РФ согласился с выводом Кировского областного суда о наличии признаков покушения на убийство в действиях Б., нанесшего потерпевшему Н. около четырех ударов топором в область головы. И хотя в результате умышленных действий Б. Н. был причинен тяжкий вред здоровью, сам виновный последовательно отрицал умысел на убийство и в деле отсутствуют обстоятельства, свидетельствующие о том, что причинение смерти было единственной целью преступника, суд, исходя из характера действий и локализации телесных повреждений, пришел к выводу, что этот возможный результат входил в намерение виновного, и квалифицировал деяние как покушение на убийство².

---

¹Дело № 10–6918/2015//Архив Челябинского областного суда за 2015 г.; Дело № 10–3089/2015//Архив Челябинского областного суда за 2015 г.; Дело № 44у–106/2015// Архив Челябинского областного суда за 2015 г.; Дело № 10–5296/2015//Архив Челябинского областного суда за 2015 г.; Дело № 10–791/2015//Архив Челябинского областного суда за 2015 г.; Дело № 10–5648/2015//Архив Челябинского областного суда за 2015 г.; Дело № 10–1102/2015//Архив Челябинского областного суда за 2015 г.

² Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 27 июня 2007 г. № 33П07// Архив Верховного Суда РФ за 2007 г.

Иркутский областной суд квалифицировал как покушение на убийство действия С. и Я., которые подожгли дом, где находились потерпевшие, дополнительно закрыв дверь и фанерным щитом окно. Двое из потерпевших выбрались из дома. Однако в суде не ставился вопрос: желали ли виновные только смерти или же удовлетворялись и менее тяжкими последствиями, хотя по обстановке происшедшего такой вывод представляется вполне вероятным (спасшиеся потерпевшие были оставлены в сознании). У суда имелись все основания считать, что С. и Я., совершая дополнительные действия с тем, чтобы никто из потерпевших не вышел из дома, не только сознательно допускали возможность их смерти, но и желали ее¹.

Еще один пример.

Согласно приговору Ушаков В.А. признан виновным в покушении на убийство потерпевшего, которому на почве личных неприязненных отношений в промежуток времени между 10 час. 30 мин. и 11 час. 06 ноября 2010 года нанес два удара ножом в шею, до этого сдавливал шею потерпевшего рукой, высказывая угрозы убийством. Потерпевший смог вырваться и убежать, обратившись за помощью к охраннику. События произошли в комнате знакомой потерпевшего, где временно проживали Ушаков В.А. и потерпевший.

Суд кассационной инстанции указал: «Действия Ушакова правильно квалифицированы как покушение на убийство, исходя из конкретных обстоятельств совершения преступления, поведения осужденного, высказывавшего не только словесные угрозы потерпевшему, но и нанесшего два удара ножом в жизненно-важную область – шею. Удары были достаточно сильными, о чем свидетельствует описание полученных ранений и наступившие последствия - нахождение на стационарном излечении до 15 ноября 2010 года. Более серьезный вред здоровью потерпевшего не был нанесен, поскольку потерпевший сумел вырваться от Ушакова и обратиться

---

¹ Определение Верховного Суда РФ от 19.04.2007 г. № 66-о06-147//Архив Верховного Суда РФ за 2007 г.

за помощью к третьим лицам, а также вследствие оказания своевременной медицинской помощи»¹.

Другой пример.

Дудушкин А.Г. признан виновным в том, что 19 февраля 2015 года в г. Златоусте Челябинской области находясь в состоянии алкогольного опьянения совершил покушение на убийство потерпевшего.

В апелляционной жалобе адвокат Валеев В.У. просил приговор изменить путем переквалификации действий осужденного на ч. 1 ст. 111 УК РФ и смягчить назначенное наказание. Указывает, что вывод суда об умысле осужденного на убийство основан на предположениях, и опровергается как показаниями Дудушкина А.Г., так и показаниями потерпевшего и свидетелей, из которых следует, что Дудушкин А.Г. наносил удары ножом в темноте и не видел, в какую часть тела потерпевшего они приходятся. После нанесенных ударов Дудушкин А.Г. видел, что потерпевший жив, однако не предпринял действий, направленных на причинение ему смерти. Дудушкин А.Г. намеревался отвезти потерпевшего домой на такси, для чего вывел потерпевшего на улицу. Затем у Дудушкина А.Г. произошла драка с потерпевшим, и дальнейших событий осужденный не помнит. Данные обстоятельства, по мнению автора апелляционной жалобы, свидетельствуют об отсутствии у осужденного умысла на убийство потерпевшего.

Суд второй инстанции указал: «Доводы стороны защиты о том, что Дудушкин А.Г. не видел, куда наносит удары ножом, об отсутствии у осужденного умысла на убийство потерпевшего, и как следствие – неправильной квалификации его действий, являлись предметом проверки суда первой инстанции и были опровергнуты совокупностью исследованных доказательств.

---

¹ Дело № 22–9704/2011//Архив Челябинского областного суда за 2011 г.

Так, из показаний Дудушкина А.Г., данных в ходе предварительного расследования, следует, что он нанес потерпевшему удары ножом в область груди и переднюю часть тела.

В ходе следственного эксперимента Дудушкин А.Г. продемонстрировал, как нанес потерпевшему удары в область грудной клетки и живота.

В явке с повинной Дудушкин А.Г. указал, что нанес потерпевшему удары ножом в область грудной клетки.

При таких обстоятельствах довод стороны защиты о том, что Дудушкин А.Г. в темноте не видел, куда им наносились удары, был обоснованно признан судом несостоятельным.

Суд пришел к правильному выводу о том, что об умысле Дудушкина А.Г. на убийство потерпевшего свидетельствуют количество и локализация нанесенных ударов, а также последующие действия осужденного, который не принял мер к оказанию помощи потерпевшему.

То, что Дудушкин А.Г. прекратил нанесение потерпевшему ударов ножом, на что обращает внимание сторона защиты, не опровергает вывод суда о наличии у осужденного умысла на убийство.

Дудушкин А.Г. понимал, что нанес множество ударов в жизненно-важные части тела потерпевшего, не сообщил об этом окружающим или в медицинское учреждение, что, в совокупности, свидетельствует об умысле на причинение потерпевшему смерти.

При этом то обстоятельство, что умысел Дудушкина А.Г. на убийство не был доведен до конца по независящим от него обстоятельствам, а именно в результате своевременного оказания потерпевшему медицинской помощи, не дает оснований для переквалификации действий осужденного на ст. 111 УК РФ, на чем настаивает сторона защиты»¹.

Анализ практики показывает, что суд квалифицирует деяние в зависимости от причиненного вреда в небольшом количестве дел и только

---

¹ Дело № 10–4716/2015//Архив Челябинского областного суда за 2015 г.

если имеет место косвенный (неопределенный) умысел. Например, если характер ран свидетельствует о слабых ударах ножом, или лицо, причинив незначительный вред и имея реальную возможность продолжить избиение, покидает место происшествия.

Представляется, что при квалификации деяний, совершенных с неопределенным умыслом, следует использовать дифференцированный подход, учитывая в совокупности степень объективизации умысла, вид нанесенного вреда и планомерность действий. Он, хотя и подразумевает большее судебское усмотрение, является более предпочтительным, чем предлагаемые уголовно-правовой литературой традиционные правила, которые не применимы к хищениям и весьма сомнительны для использования при квалификации преступлений против жизни и здоровья.

Помимо сказанного отметим, что деление умысла на прямой и косвенный позволяет правильно определить степень вины, степень общественной опасности деяния и личность виновного, а также необходимо для индивидуализации наказания.

2.2 Влияние прочих видов умысла на квалификацию преступлений

Уголовный кодекс Российской Федерации (далее УК РФ), кроме разграничения на прямой и косвенный, не содержит описания еще каких-либо видов умысла.

Тем не менее, теория уголовного права и судебная практика в целях правильной и обоснованной квалификации разработала дифференциацию умысла еще по двум основаниям: по времени возникновения и степени определенности.

В первом случае умысел подразделяется на заранее обдуманый¹ и внезапно возникший¹.

---

¹Дело № 2–9/2012//Архив Верховного Суда Карачаево-Черкесской республики за 2012 г.

Следует отметить, что практическое значение выделенных видов умысла неодинаково. Заранее обдуманый умысел выступает в законе как атрибут институтов приготовления, предварительного сговора и организованной группы, не возможных без такого вида умысла, но никаких самостоятельных функций (юридических последствий) не имеет.

Разновидностью внезапно возникшего умысла является аффектированный умысел, указания на который содержатся в уголовном законе.

В статьях Особенной части УК РФ указание на аффектированный умысел встречается дважды. С его использованием построены составы привилегированного убийства – ст. 107 «Убийство, совершенное в состоянии аффекта» и статья «Причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью в состоянии аффекта» (ст. 113 УК РФ). Некоторые авторы также указывают, что о кумулятивном аффекте речь идет в ст.106 УК РФ – убийство матерью новорожденного ребенка в условиях психотравмирующей ситуации².

Аффект как конструктивный элемент состава преступления, предусмотренного ст. 107 и ст. 113 УК РФ, непосредственно связывается с определенным неправомерным поведением потерпевшего: насилием, тяжким оскорблением и иными противозаконными действиями.

Указанные действия потерпевшего – необходимое условие возникновения аффекта виновного в данных составах преступления.

Вывод о совершении преступления в состоянии аффекта может быть сделан только в результате комплексного исследования конкретных отрицательных действий виновного, степени реагирования на

---

¹Дело № 22–1568/2011//Архив Челябинского областного суда за 2011 г.; Дело № 22–6820/2011//Архив Челябинского областного суда за 2011 г.; Дело № 10–4652/2013//Архива Челябинского областного суда за 2013 г.; Дело № 10–6169/2013//Архив Челябинского областного суда за 2013 г.

² Красиков, А.Н. Преступления против личности. Учебное пособие для студентов учебных заведений юридического профиля / А.Н. Красиков. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та., 1999. – С. 36.

соответствующую обиду, нанесенную потерпевшим, в момент совершения преступления¹.

Изучив уголовные дела по совершению аффектированных преступлений, мы пришли к выводу, что отсутствует определенное понимание сущности тяжкого оскорбления, а именно в приговорах сделана ссылка на то, что потерпевший тяжело оскорбил обвиняемого, но сущность указанного термина не раскрывается.

Вместе с тем ясно, что суды считают тяжким не всякое оскорбление. Однако конкретных признаков тяжести не дается.

Так, А.В. Бурнацев совершил убийство в состоянии аффекта при следующих обстоятельствах.

Примерно в 21 час, А.В. Бурнацев выйдя из своей квартиры, на такси направился на встречу с друзьями и отпраздновать свой день рождения. По дороге в 21 час 29 минут, А.В. Бурнацев позвонил со своего мобильного телефона на мобильный телефон ФИО2, который ему в этот день примерно в 14 часов на улице сообщил незнакомый парень и попросил позвонить по этому абонентскому номеру ФИО2.

В ходе телефонного разговора ФИО2, узнав от А.В. Бурнацева, что он едет навстречу со своими друзьями, попросил его приехать во двор дома и уделить ему там для разговора не более пяти минут. Так как в это время А.В. Бурнацев проезжал недалеко от указанного адреса, то он вышел из такси и пришел во двор дома, где стал ждать ФИО2, с которым до этого никогда не встречался, и никаких отношений не поддерживал. Через 15 минут, так как ФИО2 на месте встречи не появился, А.В. Бурнацев вновь позвонил ему на мобильный телефон и предложил перенести встречу на следующий день, но ФИО2 попросил дождаться его, пояснив, что уже подходит. Через пять минут он вновь позвонил ФИО2 на мобильный телефон и сказал, что торопиться на

---

¹ Сидоров, Б.В. Указ. соч. – С. 44.

встречу с друзьями, на что ФИО2 ответил, что уже заходит во двор дома, и попросил его никуда не уходить.

Примерно в 21 час 50 минут ФИО2, находясь в состоянии алкогольного опьянения, зашёл во двор дома, подошел к ожидавшему его там А.В. Бурнацеву и неожиданно, беспричинно, действуя умышленно, противоправно и аморально, начал в тяжелой оскорбительной форме нецензурными словами оскорблять А.В. Бурнацева и членов его семьи, угрожать им всем расправой и убийством, мотивируя это тем, что родственники А.В. Бурнацева сломали ему жизнь и он это так просто не оставит, убьёт их всех. А.В. Бурнацеву было обидно и неприятно выслушивать от ФИО2 оскорбления в свой адрес и в адрес своих родственников, эти оскорбления и угрозы унижали его человеческое достоинство, ему было известно, что ранее ФИО2, вооружившись револьвером и кнопочным ножом, примерно в 19 часов 15 минут, пришёл к его родственникам ФИО4, где из хулиганских побуждений из имевшегося у него револьвера, выстрелом в грудь убил свою бывшую жену ФИО4, родную тётю А.В. Бурнацева, затем двумя выстрелами в шею и руку убил ФИО4, его дедушку, после чего произвёл один выстрел в грудь бабушки А.В. Бурнацева, ФИО5, причинив ей тяжкое телесное повреждение.

А.В. Бурнацев с целью прервать противоправные действия ФИО2 попытался уйти от него, но ФИО2, применив к нему насилие, схватив его одной рукой за плечо, воспрепятствовал этому и осознавая, что своими действиями причиняет психологические страдания и потрясения А.В. Бурнацеву продолжал унижать его, оскорбляя нецензурными словами его и членов его семьи и высказывать угрозы убийства всех его родственников. При этом во второй руке ФИО2 он заметил зажатый в ней нож. В результате внезапно возникшей личной неприязни, вызванной провоцирующим характером поведения ФИО2, А.В. Бурнацев схватив рукой лезвие ножа, который был в руке ФИО2, выхватил его и, стремясь

прекратить агрессивные действия ФИО2, находясь в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения (физиологического аффекта), вызванного указанными противоправными действиями ФИО2, которое ограничивало его возможность полноценно осознавать происходящее и осуществлять волевою регуляцией деятельности, нанес ФИО2 этим ножом телесные повреждения. От полученных ранений ФИО2 скончался на месте происшествия¹.

Другой пример, согласно приговору, потерпевшие Л и Ч с которыми осужденный В.Е. Есипов поддерживал приятельские отношения, пришли к нему около 21 часа и предложили выпить. В.Е. Есипов отказался принять участие в распитии спиртных напитков, так как ожидал приезда матери, после чего потерпевшие попросили разрешить им посидеть на кухне, на что В.Е. Есипов дал согласие. Допив водку, Л и Ч стали громко разговаривать. В.Е. Есипов сделал им замечание, но они продолжали шуметь. Тогда В.Е. Есипов потребовал, чтобы они покинули квартиру, но потерпевшие стали оскорблять его, употребляя нецензурные выражения. После этого В.Е. Есипов прошел из кухни в прихожую, взял молоток, вернулся на кухню, где оставались потерпевшие, и нанес каждому из них множественные удары по голове, причинив телесные повреждения, от которых они скончались на месте преступления.

Верховный суд РФ в апелляционном определении указал: «Из установленных фактических обстоятельств не усматривается, что потерпевшие Л и Ч тяжело оскорбили В.Е. Есипова либо иными своими действиями вызвали у него состояние сильного душевного волнения. Поведение потерпевших, которые распивая спиртные напитки, громко разговаривали, оскорбляли, употребляя нецензурные выражения, было обычным для В.Е. Есипова, который состоял с ними в приятельских отношениях, неоднократно распивал совместно с ними спиртные напитки, в

---

¹ Дело № 1–3/2012//Архив Советского районного суда г. Владикавказа Республики Северная Осетия-Алания за 2012 г.

том числе в своей квартире. В связи с этим оснований полагать, что такое поведение потерпевших вызвало или могло вызвать у В.Е. Есипова сильное душевное волнение, не имеется»¹.

«Отнюдь не редкими являются в судебной практике случаи отнесения к тяжкому оскорблению поведения, которое, собственно говоря, вообще как оскорбление расцениваться не может. Например, без достаточных на то оснований придавалось значение тяжкого оскорбления так называемой «супружеской измене».

Так, Президиум Верховного Суда РСФСР переqualificировал действия Иванова с п. 3 ст. 102 УК РСФСР (п. а ч. 2 ст. 105 УК РФ) на ст. 104 УК РСФСР (ст. 107 УК РФ), заметив, что Иванов убил свою жену Забегаеву и Якоби в то время, когда они вступили в интимную связь, что, по мнению Президиума, свидетельствует о том, что убийство Ивановым совершено в состоянии возникшего сильного душевного волнения, вызванного тяжким оскорблением со стороны потерпевших. Однако, по крайней мере, из опубликованных материалов, не видно, что Забегаева и Якоби умышленно унижали честь и достоинство Иванова. Напротив, здесь указывается, что Иванов, услышав возле своего дома интимный разговор между Забегаевой и Якоби, незаметно вышел из дома, где увидел вступивших в интимную связь Забегаеву и Якоби, после чего и совершил убийство их обоих»².

Теперь рассмотрим влияние аффектированного умысла привлечение к уголовной ответственности и назначение наказания.

Среди ученых юристов ведутся споры по поводу того, «с прямым или косвенным умыслом может быть совершено преступление в состоянии аффекта. В.Н. Ткаченко считает, что аффектированный умысел является разновидностью косвенного, поскольку возникает внезапно, препятствуя

---

¹ Дело № 46–АПУ13-37//Архив Верховного суда РФ за 2013 г.

² Лобанова, Л.В. К вопросу о понятии тяжкого оскорбления применительно к статье 107 УК РФ / Л.В. Лобанова, Е.И. Семенова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия: Юриспруденция. – 2007. – № 9. – С. 75.

возможности контролировать свои поступки и регулировать их интенсивность»¹.

М.И. Дубинина утверждает, что «анализ преступлений, совершаемых в состоянии аффекта, свидетельствует о том, что виновный предвидит (в общем виде) наступление общественно опасных последствий, выражающихся в причинении физического вреда личности, и желает их наступления, так как эти последствия являются целью его действий. Такие психические признаки характерны только для прямого умысла»².

Большинство же исследователей полагают, что «аффектированный умысел включает в себя интеллектуальный и волевые моменты не только косвенного, но и прямого (конкретизированного и неконкретизированного) умысла.

Следует подчеркнуть, что «в данном случае речь идет не о чисто теоретической проблеме. Так, если аффектированный умысел признать разновидностью только косвенного, то, по общему правилу, это синонимично невозможности покушения на преступление с аффектированным умыслом, а преступления, включающие признаки осмысленного приготовления, автоматически выпадают из числа совершаемых в состоянии аффекта»³.

Ответ на вопрос, к какому виду умысла относится аффектированный, зависит от того, что понимать под аффектом. Трудность заключается в том, что законодатель не дает его определения. Зато в тексте ст. 107 и 113 используются многозначные слова «сильное» и «душевное», а

---

¹Ткаченко, В.Н. Квалификация убийства и причинение тяжких последствий, совершенных в состоянии сильного душевного волнения / В.Н. Ткаченко // Вопросы криминалистики. – 1967. – № 12. – С. 79.

² Сысоева, Т.В. Субъективные признаки убийства, совершенного в состоянии аффекта / Т.В. Сысоева // Вестник ТюмГУ. – 2003. – № 3. – С. 56; Тухбатуллин, Р.Р. Субъект и субъективная сторона преступлений против жизни и здоровья, совершенных в состоянии аффекта / Р.Р. Тухбатуллин // Российский следователь. – 2005. – № 8. – С. 9.

³ Акимочкин, В.И. Указ. соч. – С. 125.

заимствованное из психологии понятие аффект помещено в скобки на второе место.

Руководящие постановления Пленума Верховного суда обходят вопросы аффектированного умысла стороной, за исключением указания на то, что «По смыслу закона убийство не должно расцениваться как совершенное при квалифицирующих признаках... если оно совершено в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения» (п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)»).

«В теории уголовного права определение аффекта, казалось бы, является более или менее устоявшимся. Аффектом признается бурный и кратковременный эмоциональный процесс, оказывающий влияние на сознание и деятельность человека и сопровождаемый изменениями в деятельности двигательной, эндокринной, сердечно-сосудистой и других систем организма»¹.

Однако подобная дефиниция, во-первых, опирается на положения психологии тридцатилетней давности. А во-вторых, не включает в себя ни связь аффекта с используемым в законе «состоянием внезапно возникшего сильного душевного волнения», ни трехфазную динамику протекания эмоциональных реакций, обязательно устанавливаемую судебно-психологической экспертизой для констатации аффективного расстрой. Она не позволяет установить четкие юридические и психологические границы аффекта.

Поэтому различные авторы и практические работники, даже используя схожие определения, допускают прямо противоположные варианты их смыслового восприятия и придают неодинаковое лингвистическое значение скобкам в тексте ст. 107 и 113 УК РФ. Например, в одном комментарии утверждается, что «аффект рассматривается лишь в качестве психолого-

---

¹ Акимочкин, В.И. Указ. соч. – С. 126.

психиатрической характеристики состояния виновного во время убийства, служащей одним из доказательств наличия у него сильного душевного волнения. Вместе с тем само это сильное душевное волнение может и не сопровождаться аффектом»¹. А согласно другому источнику: «Принципиально неверной является высказанная в литературе точка зрения о том, что якобы в новом Кодексе принята более широкая норма – смягчающим обстоятельством признается не только аффект, но и любое состояние, возникшее в ответ на противоправное или аморальное поведение потерпевшего, явившееся поводом для преступления»².

С.В. Дубовиченко уверен, что «нельзя согласиться с предложением рассматривать аффект в качестве обстоятельства, смягчающего наказание, без сочетания с противоправным или аморальным поведением потерпевшего. В случае принятия такой новеллы, придется снижать наказания лицу, у которого аффект возник в связи с правомерными действиями потерпевшего, что, на наш взгляд, может свидетельствовать о повышенной опасности личности преступника»³.

С этим не согласна С.А. Манойлова: «В некоторых случаях в качестве смягчающего наказание обстоятельства следует учитывать особое эмоциональное состояние виновного (аффект) и без его сочетания с противоправным или аморальным поведением потерпевшего... В условиях психотравмирующей ситуации умысел возникает зачастую не под воздействием непосредственного (последнего во времени) повода, а значительно раньше – под воздействием состояния эмоциональной напряженности, относительно устойчивых отрицательных переживаний,

---

¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Постатейный / под ред. А.В. Бриллиантова. – М.: Проспект, 2010. – С. 312.

² Ситковская, О.Д. Уголовный кодекс Российской Федерации: психологический комментарий (постатейный) / О.Д. Ситковская. – М.: Зерцало, 1999. – С. 57.

³ Дубовиченко, С.В. Интеллектуальные моменты умышленной формы вины: автореферат дисс. ... канд. юрид. наук / С.В. Дубовиченко. – Тольятти, 2007. – С. 7.

вызванных повторяющимися противоправными или аморальными действиями потерпевшего»¹.

Обобщение судебной практики Верховного Суда и Федеральных судов субъектов РФ также позволяет сделать вывод о ее неоднородности. Так в некоторых случаях суд констатирует аффектированный умысел, основываясь лишь на предшествующем противоправном поведении потерпевшего и иных объективных признаках деяния. А в других отрицает наличие состояния аффекта несмотря даже на соответствующее заключение эксперта.

Представляется, что, поскольку аффект – термин, заимствованный уголовным правом, то для правильного и однозначного его понимания следует обратиться к положениям современной психологии. В своей статье психиатры Ю.Б. Можгинский и Т.А. Андрианова приводят следующую схему влияния аффекта на агрессивное поведение: «Аффекты являются одним из факторов в процессе формирования агрессивного поведения. На каждом этапе формирования агрессивного поведения аффекты имеют свои клинические особенности.

Тоскливый аффект сопровождается чувством дискомфорта, «пустоты», «никчемности» жизни. Вместе с этим появляются ощущение «враждебности» мира... Далее при появлении тревожного аффекта возникают предметно ориентированные агрессивные идеи с конкретным содержанием... При движении цикла к своей кульминации тревожный аффект становится полиморфным...: объект агрессии вызывает злобу, гнев. После совершения агрессивного преступления наступает период, характеризующийся наступлением энергетического спада. При этом вновь появляется тоскливый аффект. Это может привести к суицидальным тенденциям или формированию метафизических идей, но с другим, «положительным»

---

¹ Манойлова, С.А. Эмоции в уголовном праве: автореферат дисс. ... канд. юрид. наук / С.А. Манойлова. – Казань, 2005. – С. 12.

знаком: как правило, это религиозные идеи покаяния, возвращения к богу, к вечным нравственным ценностям»¹.

Итак, «аффект – это эмоциональная патология, часто включающая как фазы агрессии, так и тоскливой депрессии, причем они могут переходить друг в друга в течение длительного времени. Агрессивное поведение, строго говоря, является проявлением, кульминацией аффективного расстройства. То есть преступление в состоянии аффекта может включать стадии осознанного приготовления и покушения. Следовательно, аффектированный умысел – это разновидность умысла (прямого и косвенного с поправкой на особое эмоциональное состояние) в агрессивном поведении при аффективных расстройствах. Подобное понимание аффектированного умысла соответствует его психологической сущности (в современной интерпретации) и позволяет установить четкие границы аффекта»².

Что же касается «внезапно возникшего сильного душевного волнения», то на наш взгляд, следует согласиться с В.В. Романовым и М.Н. Пановым, что термин этот является рудиментом нового кодекса, а скобки в фрагментах ст. 107 и ст. 113 УК РФ не криминологическим решением законодателя, а попыткой совместить несовместимое³.

Далее, возвращаясь к вопросу о видах умысла, также укажем, что умысел делится на определенный (конкретизированный) и неопределенный (неконкретизированный). В свою очередь, определенный умысел подразделяется авторами на простой и альтернативный.

---

¹Можгинский, Ю.Б. Роль аффектов в структуре агрессивного поведения / Ю.Б. Можгинский, Т.А. Андрианова // Юридическая психология. – 2009. – № 4. – С. 14–15.

²Акимочкин, В.И. Указ. соч. – С. 126.

³Романов, В.В., Панова, М.Н. Толкование понятия «аффект» при расследовании преступлений против жизни и здоровья: о серьезных последствиях терминологической путаницы / В.В. Романов, М.Н. Панова // Российская юстиция. – 2008. – № 6. – С. 7.

При квалификации преступлений действует правило, в соответствии с которым при определенном умысле содеянное должно получить уголовно-правовую оценку по направленности умысла¹.

Что касается неопределенного и альтернативного умысла, то в специальной литературе указано: «Неопределенный (неконкретизированный) умысел характеризуется осознанием некоторых количественных или однородных качественных признаков преступления (чаще всего - последствий) лишь в обобщенном виде. Например, избивая потерпевшего, преступник, как правило, не знает, какой именно вред здоровью потерпевшего (легкий, средней тяжести или тяжкий) будет причинен.

Некоторые исследователи в качестве особого вида умысла называют альтернативный умысел, когда лицо предвидит возможность наступления в результате его действий тех или иных конкретных последствий, значимых для квалификации содеянного. Этот вид умысла предлагают считать разновидностью определенного (конкретизированного) умысла, что вызывает возражения. Правовое значение имеет определенность умысла не относительно любых фактов, а относительно фактов, влияющих на квалификацию содеянного. Поскольку в отношении этих фактов альтернативный умысел не определен именно ввиду его альтернативности, его правильно рассматривать в качестве разновидности неопределенного (неконкретизированного) умысла.

Неконкретизированный прямой умысел похож на умысел косвенный. И квалифицируется содеянное с таким умыслом так же, как и при косвенном умысле – по фактически наступившим последствиям (приготовление и покушение невозможны).

Концепция определенного альтернативного умысла имеет практическое значение в том контексте, что некоторые правоведы предлагают при таком умысле вменять покушение на наиболее тяжкое преступление из числа

---

¹ Корнеева, А.В. Теоретические основы квалификации преступлений / А.В. Корнеева. – М.: Проспект, 2006. – С. 79.

охватываемых умыслом лица, независимо от фактически наступивших последствий. К примеру, застигнутый на месте преступления преступник, пытаясь скрыться, стреляет в преследователя и промахивается. При этом преступник желает остановить преследователя в результате причинения ему смерти, вреда здоровью или его устрашения. Представляется, что в такой ситуации спорным является не вопрос права, а вопрос факта о направленности умысла и его определенности. Этот факт может быть установлен с учетом всех обстоятельств дела (направления выстрела, показаний свидетелей, потерпевшего, обвиняемого и др.)»¹.

Что касается судебной практики, то Пленум Верховного Суда РФ в п. 3 Постановления от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)»² разъяснил: «при решении вопроса о направленности умысла виновного следует исходить из совокупности всех обстоятельств содеянного и учитывать, в частности, способ и орудие преступления, количество, характер и локализацию телесных повреждений (например, ранения жизненно важных органов человека), а также предшествующее преступлению и последующее поведение виновного и потерпевшего, их взаимоотношения». Однако вопрос, связанный с установлением вида умысла, следует признать сложным, и суды при его решении допускают ошибки. Так, Свиридов обвинялся в том, что в ходе разбойного нападения, имея умысел на лишение жизни водителя-инкассатора Г., произвел в него с близкого расстояния 2 прицельных выстрела из переделанного под стрельбу оружия патронами калибра 9 мм в левую руку, а затем в голову. Смерть потерпевшего Г. не наступила по причинам, не зависящим от воли Свиридова. Самарский областной суд квалифицировал указанные действия Свиридова как разбой, совершенный в целях завладения

---

¹Уголовное право России. Часть Общая и Особенная: учебник / под ред. А.В. Бриллиантова. – М.: Проспект, 2015. – С. 182.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» от 27.01.1999 № 1 // Российская газета. – 1999. – 9 февраля.

имущества в крупном размере, с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего (п. п. «б», «в» ч. 3 ст. 162 УК РФ в редакции от 25 июля 2002 г.). Верховный Суд РФ приговор отменил и подчеркнул следующее: «...Суд исключил из обвинения Свиридова ст. 30 ч. 3 и ст. 105 ч. 2 п. п. «а, б, з» УК РФ. Мотивируя принимаемое решение, суд отметил, что Свиридов, производя выстрел в Г., «имел неопределенный умысел, т.е. ему был безразличен результат его действий». Вместе с тем суд, исключая из обвинения Свиридова «покушение на убийство Г.», не учел такие важные обстоятельства, как выбор нападавшим оружия и его боевые свойства, прицельность и количество произведенных выстрелов, расстояние между стрелявшим и потерпевшим, локализация телесных повреждений, производство выстрела потерпевшему Г. в голову, непосредственная обстановка на месте совершения преступления и причины, по которым смерть потерпевшего не наступила»¹.

Теперь обратимся к рассмотрению так называемых преступлений, совершаемых со специальным умыслом.

Так, самовольное оставление лицом, в отношении которого установлен административный надзор, места жительства или пребывания, влечет уголовную ответственность по ст. 314.1 УК РФ лишь в том случае, если эти действия совершены в целях уклонения от административного надзора.

Приговором Долгопрудненского городского суда Н. осужден по ст. 314.1 УК РФ к 5 месяцам лишения свободы в исправительной колонии строгого режима. Обвинительный приговор в отношении Н. постановлен без проведения судебного разбирательства в порядке, предусмотренном главой 40 УПК РФ.

Н. признан виновным в том, что, являясь лицом, в отношении которого установлен административный надзор с установлением ряда административных ограничений, в числе которых запрет на пребывание в

---

¹ Определение Верховного Суда РФ от 18.12.2003 г. № 46–003–85//Архив Верховного Суда РФ за 2003 г.

ночное время вне жилого помещения, в котором он проживает, неоднократно не являлся на регистрацию; кроме того, четырежды находился в ночное время вне своего жилого помещения.

Отменяя приговор, судебная коллегия указала, что за невыполнение обязанностей, предусмотренных ст. 11 Федерального закона от 06.04.2011 г. № 64–ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» предусмотрена административная ответственность. Уголовная ответственность по ст. 314.1 УК РФ наступает лишь в случае самовольного оставления лицом, в отношении которого установлен административный надзор, места жительства или пребывания, в целях уклонения от административного надзора.

Таким образом, для квалификации действий виновного по указанной статье УК необходимо установить наличие у него прямого умысла и специальной цели –уклонения от административного надзора; между тем из обвинения, с которым согласился осужденный, наличие таких умысла и цели не усматривается¹.

Возвращаясь к теории уголовного права отметим, что в уголовно-правовой литературе существует правило об обязательной прямоумышленности действий при наличии цели в отношении преступлений против жизни, здоровья, собственности и в отношении «искусственных» материальных составов. На существование вторых указывает в своих работах И.А. Клепицкий, понимая под «искусственными» материальными такие составы, где последствия не связаны с тем результатом, к достижению которого стремится преступник (например, ст. 171, 176, 178, 196 и т. д.): «Указанные в законе последствия по существу являются случайной количественной характеристикой, которой законодатель приписывает существенное качественное значение, произвольно очерчивая тем самым грань преступного с благой, в общем-то, целью экономии уголовной

---

¹ Постановление судебной коллегии по уголовным делам Московского областного суда № 22–6000/2013 от 10.09.2013 г.//Архив Московского областного суда за 2013 г.

репрессии»¹. Следует отметить некоторую неудачность использования термина «искусственный» применительно к составу, ибо любой состав преступления является искусственной законодательной конструкцией. Более верным представляется говорить о материальных составах с количественным описанием размера последствий или с использованием категории так называемых «оценочных понятий».

Относительно преступлений против жизни, здоровья и собственности общепризнанной является точка зрения, что указание в законе на цель как на субъективный признак преступления свидетельствует о его прямоумышленном характере.

Однако в тех же источниках в разъяснении к статьям с количественным описанием размера последствий или с оценочными последствиями может утверждаться, например, следующее: «Субъективная сторона злоупотребления полномочиями характеризуется умышленной формой вины, и преступление может быть совершено как с прямым, так и с косвенным умыслом... Обязательным признаком субъективной стороны состава злоупотребления полномочиями является цель извлечения выгод и преимуществ для себя или других лиц либо нанесения вреда другим лицам... Наличие цели причинения вреда другим лицам означает, что причиненный вред является следствием (последствием преступления) деяния».

Примерно о том же говорит Э.С. Мурадов, констатируя, что «в соответствии с описанием признаков составов преступлений, предусмотренных главой 22 УК РФ, в том числе и материальных, цель связывает не действия (бездействие) с общественно опасным результатом, а иные элементы объективной стороны деяния. Поэтому указание на цель не

---

¹Клепицкий, И.А. Система хозяйственных преступлений / И.А. Клепицкий. – М.: СТАТУТ, 2005. – С. 59.

ограничивает возможность вменения материальных составов экономических преступлений и при наличии у виновного косвенного умысла»¹.

Но подобные высказывания противоречат другой логической цепочке: «То обстоятельство, что преступные последствия не являются конечной целью действий, не меняет вид умысла: он останется именно прямым.

Различные психологические оттенки волевого отношения к наступившим последствиям не имеют значения и не трансформируют прямой умысел в косвенный. Например, мужчина, замыслив жениться на своей любовнице, может испытывать искреннее чувство жалости к убитой им с этой целью жене»².

В учебной литературе применительно к статьям с количественным описанием размера последствий или с оценочными последствиями, видимо, с тем, чтобы сохранить стройность «общей теории вины», часто либо только констатируется, что состав преступления характеризуется только прямым умыслом, либо из формулировки исключаются последствия: «С субъективной стороны состав преступления характеризуется только прямым умыслом, поскольку действия совершаются преднамеренно, т. е. с целью вызвать банкротство юридического лица или индивидуального предпринимателя».

Обобщение судебно-следственной практики по делам об экономических преступлениях позволяет утверждать, что правоприменительные органы отрицают значение вида субъективного отношения к последствиям в таких составах. Действительно, собрать доказательства умышленного отношения к последствиям, не связанным с результатом, к достижению которого стремится преступник и имеющим количественное выражение, невозможно. Поэтому такое радикальное решение максимально отвечает потребностям

---

¹Мурадов, Э.С. Субъективные признаки преступлений в сфере экономической деятельности: автореферат дисс. ... канд. юр. наук / Э.С. Мурадов. – М., 2008. – С. 7.

²Питецкий, В. Сужение понятия косвенного умысла влечет ужесточение уголовной репрессии / В. Питецкий // Российская юстиция. – 1999. – № 5. – С. 49.

правоприменительной практики. А в определенном смысле оно соответствует и зарубежному опыту, где, например, в составах хозяйственных преступлений признан не только косвенный умысел, но даже неосторожность.

Нельзя согласиться с А.В. Пустяковым, который предлагает считать, что если причинение ущерба вследствие действий лица неизбежно, то причинитель ущерба его, безусловно, желает, а не допускает. Такая позиция основана на объективном признаке неизбежности наступления указанных в законе последствий без отграничения наступившего результата от желаемого, а не на субъективном предвидении неизбежности, что не одно и то же. Более того, применительно, например, к оценочным последствиям преступлений в сфере экономической деятельности вряд ли корректно вообще говорить о неизбежности.

Конечно, оптимальным решением вопросов применения положений о специальном умысле к «искусственным» материальным составам является комплексная реформа всех подобных статей. Однако следует отметить, что законодатель не только не идет по пути уменьшения их числа, но, наоборот, в новых редакциях статей и даже в потенциальных статьях использует такой признак, как причинение крупного ущерба гражданам, организациям или государству. Поэтому, представляется, что на данный момент выходом из сложившегося положения может быть лишь признание возможности любого вида умышленного отношения к последствиям в преступлениях, законодательная конструкция которых включает количественное или иное оценочное описание размера последствий. Даже если в них имеется указание на специальную цель и, несмотря на то, что это станет исключением из правил «общей теории вины».

На основании всего вышесказанного сделать следующие выводы. Законодатель в нормах Общей части Уголовного кодекса пристальное внимание уделил лишь дифференциации умысла на прямой и косвенный.

Однако следует признать, что практическое значение данная градация приобретает лишь в отношении ограниченного числа составов, а использование предлагаемых в уголовной литературе «универсальных» правил квалификации в зависимости от вида умысла (прямого или косвенного, конкретизированного или неконкретизированного) может вести к судебным ошибкам¹.

Подводя итоги по изучению видов умысла и вопросов квалификации преступлений в зависимости от вида умысла, считаем необходимым определить ряд важных моментов.

Умысел представляет собой одну из форм вины. Определение умышленной вины содержится в ст. 25 УК РФ.

Каждому из определенных в ст. 25 УК РФ видов умысла присущи интеллектуальный и волевой моменты.

Установление вида умысла очень важно для правильной квалификации преступления.

Законодательное деление умысла на прямой и косвенный имеет немалое практическое значение. Строгое разграничение обоих видов умысла необходимо для правильного применения ряда уголовно-правовых институтов.

Помимо деления умысла на прямой и косвенный теорией уголовного права и судебной практикой разработана в целях правильной и обоснованной квалификации преступлений его дифференциация на виды еще по двум основаниям: по времени возникновения и степени определенности.

---

¹ Акимочкин, В.И. Указ. соч. – С. 124.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты проведенного исследования позволяют сделать следующие выводы.

История умысла неотрывна от истории развития института вины в уголовном праве.

Анализ таких памятников русского права, как Договор Руси с Византией 911 года, Русская Правда позволяет сделать вывод, что субъективное восприятие совершенного преступления никак не увязывалось с ответственностью и наказанием.

Смещение понятия вины и виновности из материальной сферы в душевно-эмоциональную наблюдается в XVII веке.

Окончательно отказалось от материальной вины Уложение 1649 г.

Развитие идей умысла во многом подготавливало почву для перемещения понятий вины в область психической деятельности человека. Это неизбежно означало и кризис «материальной» вины.

После государственных преобразований Петра I многие нормы права XVII в. Фактически утратили силу.

Анализ всех положений законодательства XIX в. позволяет сделать вывод о том, что законодательству того периода выделило так называемый «голый умысел» и предусматривало за его наличие ответственность.

Умышленная вина получила достаточно детальную регламентацию в Уголовном Уложении 1903 г.

Вместе с тем отметим, что Уголовное Уложение 1903 г. полностью не было введено в действие.

Термин «вина», «виновность» встречаются в первых декретах Советского государства. Понятие умышленной вины отсутствовало. Вместе с тем некоторые деяния содержали указания на цель и заведомость, что свидетельствовало об умышленном характере преступления.

В целом анализ отечественного законодательства по вопросам исторического развития умысла показал, что на примере рассмотренных законодательных актов четко прослеживается эволюция уголовно-правовых взглядов, которая способствовала не просто декларации умышленной вины, но и наделила умысел существенными признаками – сознавало, желало, допускало.

Кроме того, в целом считаем, что способность человека оценивать свое поведение и руководить своими действиями занимает центральное место в решении вопроса о привлечении к уголовной ответственности.

Что касается уголовно-правовых аспектов умысла, то развитие теоретических представлений об умисле в российской науке уголовного права исторически происходило в рамках общего учения о вине.

При определении умысла мы придерживаемся следующей позиции: умысел есть нормативно определяемое виновное психическое отношение к совершаемому преступному деянию, основанное на отрицании личностной значимости установленного уголовным законом порядка общественных отношений в сфере охраны основных социальных ценностей.

Психологические аспекты умысла заключаются в интеллектуальных и волевых элементах.

Первые выражаются в осознании лицом, совершающим преступление, общественно опасного характера своих действий или бездействия, волевые элементы заключаются в желании совершить преступление.

Подводя итоги по изучению видов умысла и вопросов квалификации преступлений а зависимости от вида умысла, считаем необходимым определить ряд важных моментов, которые мы также отразили в Приложении А настоящей работы.

Умысел представляет собой одну из форм вины. Определение умышленной вины содержится в ст. 25 УК РФ, в которой указано, что преступление может быть совершено с прямым или с косвенным умыслом.

Каждому из определенных в ст. 25 УК РФ видов умысла присущи интеллектуальный и волевой моменты. Интеллектуальных моментов два. Первый выражается в осознании лицом общественно опасного характера своего деяния, а второй в предвидении общественно опасных последствий.

При этом важно отметить, что осознание общественной опасности деяния не тождественно осознанию его противоправности, т. е. запрещенности уголовным законом. Предвидение общественно опасных последствий входит в содержание умысла только при совершении преступлений с материальным составом. Поскольку в преступлениях с формальным составом последствия не включены в объективную сторону, ни интеллектуальное, ни волевое отношение к ним в содержание умысла не входят.

Волевой момент прямого умысла состоит в желании наступления общественно опасных последствий, волевой момент косвенного умысла – в нежелании, но сознательном допущении этих последствий или безразличном отношении к ним. При этом важно отметить, что подчеркнутое законодателем отсутствие желания причинить вредные последствия означает лишь отсутствие прямой заинтересованности в их наступлении; его нельзя понимать как нежелание указанных последствий, стремление их избежать (активное нежелание). На самом деле сознательное допущение означает, что виновный вызывает своими действия определенную цепь событий и сознательно, т. е. осмысленно, намеренно допускает развитие причинно-следственной цепи, приводящее к наступлению общественно опасных последствий.

Установление вида умысла очень важно для правильной квалификации преступления.

Законодательное деление умысла на прямой и косвенный имеет немалое практическое значение. Строгое разграничение обоих видов умысла необходимо для правильного применения ряда уголовно-правовых институтов (приготовление, покушение, соучастие и др.).

Также деление умысла на прямой и косвенный необходимо для квалификации преступлений, законодательное описание которых предполагает только прямой умысел.

Кроме того такое деление умысла позволяет правильно определить степень вины, степень общественной опасности деяния и личность виновного, а также необходимо для индивидуализации наказания.

Помимо деления умысла на прямой и косвенный теорией уголовного права и судебной практикой разработана в целях правильной и обоснованной квалификации преступлений его дифференциация на виды еще по двум основаниям: по времени возникновения и степени определенности.

В первом случае умысел подразделяется на заранее обдуманный и внезапно возникший. При этом выделяется его разновидность – аффектированный умысел, указания на который содержатся в уголовном законе

Во втором случае умысел по степени определенности делится на определенный (конкретизированный) и неопределенный (неконкретизированный). В свою очередь первый бывает двух видов – простой и альтернативный.

Умысел заранее обдуманный и умысел внезапно возникший имеют как уголовно-правовое, так и криминологическое значение.

Уголовно-правовое значение рассматриваемого деления умысла на виды заключается в том, что, во-первых, только при заранее обдуманном умысле могут быть стадия приготовления к преступлению, соучастие, выражающееся в совершении преступления по предварительному сговору группой лиц, организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией), и, во-вторых, такая разновидность внезапно возникшего умысла, как аффектированный, признается отдельными уголовно-правовыми нормами привилегирующим обстоятельством.

Дифференциация умысла на определенный и неопределенный имеет значение для точной квалификации прежде всего преступлений против личности. В первом случае в предвидении виновного точно конкретизирован преступный результат (общественно опасные последствия) его деяния, при простом определенном умысле предвидение охватывает только один преступный результат.

Альтернативный умысел характерен тем, что лицо предвидит наступление одного из нескольких индивидуально конкретизированных в его сознании преступных результатов (например, то, что нанесенный им удар ножом в живот может повлечь смерть или тяжкий вред здоровью).

Значение деления умысла на определенный и неопределенный состоит в следующем. В первом случае деяние квалифицируется по направленности умысла. Если причиняется преступный результат, не охватывавшийся предвидением виновного, то содеянное квалифицируется как покушение на то преступление, последствия которого были отражены в таком предвидении.

При неопределенном умысле содеянное квалифицируется по фактически наступившему результату. Если видоизменить фабулу последнего примера и принять, что предвидением виновного охватывалось любое из последствий (причинение смерти или вреда здоровью различной тяжести), то следует прийти к другому выводу: он действовал с неопределенным умыслом и потому содеянное надлежит квалифицировать как оконченное преступление – причинение соответствующей тяжести вреда здоровью.

При покушении на преступление с альтернативным умыслом содеянное квалифицируется как покушение на преступление, наименьшее по степени тяжести. В данной ситуации действует правило, согласно которому все сомнения, в том числе и в части квалификации деяния, толкуются в пользу виновного.

Определенный умысел, как простой, так и альтернативный, может быть только прямым.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Раздел 1 Нормативные правовые акты и иные официальные акты

- 1 Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Российская газета. – 1993. – 25 декабря.
- 2 Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) // Ведомости ВС РСФСР. – 1960. – № 40. – Ст. 591.
- 3 Уголовный Кодекс Российской Федерации (с измен. и доп.) // Собрание законодательства РФ. – 17.06.1996. – № 25. – Ст. 2347.
- 4 Уголовный кодекс РСФСР: утв. ВС РСФСР 27.10.1960 г. // Ведомости ВС РСФСР. – 1960. – № 40. – Ст. 591.
- 5 Постановление ВЦИК «О введении в действие Уголовного Кодекса РСФСР» редакции 1926 года: от 22.11.1926 // СУ РСФСР. – 1926. – № 80. – Ст. 600.
- 6 Постановлением ЦИК СССР «Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и Союзных Республик» от 31.10.1924 г. // СЗ СССР. – 1924. – № 24. – Ст. 205.
- 7 Декрет ВЦИК, СНК РСФСР «О мерах борьбы с хищениями из государственных складов и должностными преступлениями, способствующими хищениям» от 01.06.1921 г. // СУ РСФСР. – 1921. – № 49. – Ст. 262.
- 8 Декрет СНК РСФСР «О порядке всеобщей трудовой повинности» от 29.01.1920 г. // СУ РСФСР. – 1920. – № 8. – Ст. 49.
- 9 Декрет ВЦИК «Об изъятиях из общей подсудности в местностях, объявленных на военном положении» от 20.06.1919 г. // СУ РСФСР. – 1919. – № 27. – Ст. 301.

- 10 Постановление Наркомюста РСФСР «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР» от 12.12.1919 г. // СУ РСФСР. – 1919. – № 66. – Ст. 590.
- 11 Декрет СНК РСФСР «О набатном звоне» от 30.07.1918 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_332.htm
- 12 Декрет ВЦИК, СНК РСФСР «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» от 18.12.1917 // СУ РСФСР. – 1917. – № 11. – Ст. 160.
- 13 Декрет СНК РСФСР «О роспуске Петроградской Городской Думы» от 16.11.1917 г. // СУ РСФСР. – 1917. – № 3. – Ст. 37.

Раздел 2 Литература

- 14 Акимочкин, В.И. Виды умысла и их влияние на квалификацию / В.И. Акимочкин, С.Ю. Кораблева // Бизнес в законе. – 2012. – № 2. – С. 124–130.
- 15 Алексеев, С.В. Структура субъективных признаков группового преступления / С.В. Алексеев // Российский юридический журнал. – 2010. – № 6. – С. 106–113.
- 16 Векленко, С.В. Эволюция отечественного уголовного законодательства о виновной ответственности / С.В. Векленко // Вестник Воронежского института МВД России. – 2009. – № 1. – С. 15–20.
- 17 Векленко, С.В. Понятие, сущность, содержание и формы вины в уголовном праве / С.В. Векленко. – Омск: Изд-во Омск. юрид. акад. МВД России, 2002. – С. 192.
- 18 Векленко, С.В. Виновное вменение в уголовном праве: дисс. ... доктора юрид. наук / С.В. Векленко. – Омск, 2003. – С. 354.

- 19 Войшвилло, Е.К. Понятие как форма мышления: Логико-гносеологический анализ / Е.К. Войшвилло. – М.: Изд-во МГУ, 1989. – С. 239
- 20 Галинская, Б.Э. Формы вины в советском уголовном праве: автореферат дисс. ... канд. юрид. наук / Б.Э. Галинская. – Л., 1951. – С. 20.
- 21 Гурвич, И.Г. Косвенный умысел по советскому уголовному праву: автореферат дисс. ... канд. юрид. наук / И.Г. Гурвич – М., 1951. – С. 15.
- 22 Дагель, П.С. Содержание, форма и сущность вины в советском уголовном праве / П.С. Дагель // Правоведение. – 1969. – № 1. – С. 78–88.
- 23 Дагель, П.С. Проблемы вины в советском уголовном праве / П.С. Дагель. – Владивосток: Ученые записки ДВГУ, 1968. – С. 80.
- 24 Дагель, П.С. Неосторожная преступность и ее общественная опасность в условиях научно-технической революции: Проблемы борьбы с преступной неосторожностью в условиях научно-технической революции / П.С. Дагель. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного гос. ун-та, 1976. – С 112.
- 25 Демидов, Ю.А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве / Ю.А. Демидов. – М.: Юрид. лит., 1975. – С. 180.
- 26 Дубовиченко, С.В. Интеллектуальные моменты умышленной формы вины. автореферат дисс. ... канд. юрид. наук / С.В. Дубовиченко. – Тольятти, 2007. – С. 21.
- 27 Злобин, Г.А. Умысел и его формы / Г.А. Злобин, Б.С. Никифоров. – М.: Юрид. лит., 1972 г. – С. 264.
- 28 Иванов, С.А. Понятие, основные характеристики и показатели вины в уголовном праве России / С.А. Иванов. – Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 2005. – С. 136.
- 29 Иванов, Н.Г. Проблемы уголовной ответственности лиц с психическими аномалиями: автореферат дисс. ... докт. юрид. наук / Н.Г. Иванов. – М.,

1997. – С. 39.
- 30 Керимов, Д.А. Философские проблемы права / Д.А. Керимов. – М.: Мысль, 1972. – С. 472.
- 31 Классен, М.А. Дискуссионные вопросы умысла в уголовном праве России / М.А. Классен, В.В. Лалац // Проблемы права. – 2012. – № 7. – С. 137–143.
- 32 Клепицкий, И.А. Система хозяйственных преступлений / И.А. Клепицкий. – М.: СТАТУТ, 2005. –С. 572.
- 33 Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Постатейный / под ред. А.В. Бриллиантова. – М.: Проспект, 2010. – С. 1031.
- 34 Козлов, А.П. Понятие преступления / А.П. Козлов. – СПб.: Юридический центр пресс, 2004. –С. 819.
- 35 Корнеева, А.В. Теоретические основы квалификации преступлений / А.В. Корнеева. – М.: Проспект, 2006. – С. 176.
- 36 Кораблева, С.Ю. Вина как уголовно-правовая категория ее влияние на квалификацию преступлений: дисс. ... канд. юрид. наук / С.Ю. Кораблева. – М., 2013. – С. 212.
- 37 Красиков, А.Н. Преступления против личности. Учебное пособие для студентов учебных заведений юридического профиля / А.Н. Красиков. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та., 1999. – С. 232.
- 38 Лобанова, Л.В. К вопросу о понятии тяжкого оскорбления применительно к статье 107 УК РФ / Л.В. Лобанова, Е.И. Семенова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия: Юриспруденция. – 2007. – № 9. – С. 75–78.
- 39 Лунеев, В.В. Субъективное вменение / В.В. Лунеев. – М.: Спарк, 2000. – С. 70.
- 40 Магомедов, А.А. Уголовная ответственность и освобождение от нее: эволюция правовых воззрений и современности: дис. ... доктора юрид.

- наук / А.А. Магомедов. – М., 1998. – С. 330.
- 41 Макашвили, В.Г. Понятие умысла в уголовном праве / В.Г. Макашвили // Вестник отд. общ. наук АН ГССР. – 1966. – № 6. – С. 74–75.
- 42 Мальков, В.П. Субъективные основания уголовной ответственности / В.П. Мальков // Государство и право. – 1995. – № 1. – С. 91–98.
- 43 Манойлова, С.А. Эмоции в уголовном праве: автореферат дисс. ... канд. юрид. наук / С.А. Манойлова. – Казань, 2005. – С. 24.
- 44 Можгинский, Ю.Б. Роль аффектов в структуре агрессивного поведения / Ю.Б. Можгинский, Т.А. Андрианова // Юридическая психология. – 2009. – № 4. – С. 14–16.
- 45 Мурадов, Э.С. Субъективные признаки преступлений в сфере экономической деятельности: автореферат дисс. ... канд. юр. наук / Э.С. Мурадов. – М., 2008. – С. 18.
- 46 Настольная книга судьи по уголовным делам / под ред. А.И. Рарога. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007. – С. 480.
- 47 Памятники Русского права. Вып. 6 / под ред. С.В. Юшкова. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1986. – С. 248.
- 48 Паньков, И.В. Основные теоретические характеристики вины в уголовном праве / И.В. Паньков // Известия РГПУ им. А.И. Герцена: Аспирантские тетради. – 2008. – № 28. – С. 249–255.
- 49 Паньков, И.В. Теоретические аспекты умышленной вины по российскому уголовному праву / И.В. Паньков // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. – № 65. – С. 260–263.
- 50 Паньков, И.В. Концептуальная и логическая характеристика вины в уголовном праве / И.В. Паньков // Современное право. – 2007. – № 10 (1). – С. 55–57.
- 51 Паньков, И.В. Умышленная вина по российскому уголовному праву: дисс. ... канд. юрид. наук / И.В. Паньков. – СПб., 2010. – С. 323.

- 52 Питецкий, В. Сужение понятия косвенного умысла влечет ужесточение уголовной репрессии / В. Питецкий // Российская юстиция. – 1999. – № 5. – С. 49–50.
- 53 Рарог, А.И. Субъективная сторона и квалификация преступлений / А.И. Рарог. – М.: Профобразование, 2001. – С. 134
- 54 Рарог, А.И. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: Учебник / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. – М.: КОНТРАКТ, ИНФРА-М, 2009. – С. 597.
- 55 Рарог, А.И. Вина в советском уголовном праве / А.И. Рарог. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1987. – С. 187.
- 56 Руткевич, М.Н. Диалектический материализм / М.Н. Руткевич. – М.: МСЫЛЬ, 1973. – С. 581.
- 57 Рогов, В.А. История уголовного права, террора и репрессий в Русском государстве XV–XVII века / В.А. Рогов. – М.: Юристъ, 1995. – С. 288.
- 58 Романов, В.В. Толкование понятия «аффект» при расследовании преступлений против жизни и здоровья: о серьезных последствиях терминологической путаницы / В.В. Романов, М.Н. Панова // Российская юстиция. – 2008. – № 6. – С. 34–36.
- 59 Селезнев, М. Умысел как форма вины / М. Селезнев // Российская юстиция. – 1997. – № 3. – С. 11–12.
- 60 Ситковская, О.Д. Уголовный кодекс Российской Федерации: психологический комментарий (постатейный) / О.Д. Ситковская. – М.: Зерцало, 1999. – С. 96.
- 61 Сысоева, Т.В. Субъективные признаки убийства, совершенного в состоянии аффекта / Т.В. Сысоева // Вестник ТюмГУ. – 2003. – № 3. – С. 56–57.
- 62 Тихонов, К.Ф. Субъективная сторона преступления / К.Ф. Тихонов. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1967. – С. 103.

- 63 Ткаченко, В.И. Умысел как форма вины: Уголовно-правовые меры борьбы с преступностью в условиях перестройки / В.И. Ткаченко. – Свердловск: Изд-во Свердлов. юрид. ин-та, 1990. – С. 23–28.
- 64 Ткаченко, В.Н. Квалификация убийства и причинение тяжких последствий, совершенных в состоянии сильного душевного волнения / В.Н. Ткаченко // Вопросы криминалистики. – 1967. – № 12. – С. 79–81.
- 65 Тухбатуллин, Р.Р. Субъект и субъективная сторона преступлений против жизни и здоровья, совершенных в состоянии аффекта / Р.Р. Тухбатуллин // Российский следователь. – 2005. – №8. – С. 26–29.
- 66 Утевский, Б.С. Вина в советском уголовном праве / Б.С. Утевский. – М.: Госюриздат, 1950. – С. 319.
- 67 Уголовный закон: Опыт теоретического моделирования / под ред. В.Н. Кудрявцева. – М.: Наука, 1987. – С. 276.
- 68 Уголовное право России. Общая часть: Учебник / под ред. В.П. Ревина. – М: Юстицинформ, 2009. – С. 250.
- 69 Уголовное право России. Часть Общая и Особенная: учебник / под ред. А.В. Бриллиантова. – М.: Проспект, 2015. – С. 1184.
- 70 Философский энциклопедический словарь / под ред. Л.Ф. Ильичева. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – С. 456.
- 71 Якушин, В.А. Субъективное вменение и его значение в уголовном праве / В.А. Якушин. – Тольятти: ТолПИ, 1998. – С. 296.
- 72 Якушин, В.А. Проблемы субъективного вменения в уголовном праве: автореферат дисс. ... докт. юрид. наук / В.А. Якушин. – М., 1998. – С. 373.

Раздел 3 Постановление высших судебных инстанций и материалы
юридической практики

- 73 Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» от 09.07.2013 г. № 24 // Российская газета. – 2013. – 17 июля.
- 74 Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» от 27.12.2002 № 29 // Российская газета. – 2003. – 18 января.
- 75 Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» от 27.01.1999 № 1 // Российская газета. – 2009. – 9 февраля.
- 76 Дело № 46–АПУ13–37// Архив Верховного Суда РФ за 2013 г.
- 77 Кассационное определение Верховного Суда РФ от 17.12.2008 № 37–008–25// Архива Верховного суда РФ за 2008 г.
- 78 Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 27 июня 2007 г. № 33П07// Архив Верховного Суда РФ за 2007 г.
- 79 Определение Верховного Суда РФ от 11.10.2007 по делу № 30–007–18//Архив Верховного суда РФ за 2007 г.
- 80 Определение Верховного Суда РФ от 19.04.2007 г. № 66–о06–147// Архив Верховного Суда РФ за 2007 г.
- 81 Постановление Президиума Верховного Суда РФ № 306–П05 // Бюллетень Верховного Суда. –2005. – № 12.
- 82 Определение Верховного Суда РФ от 18.12.2003 г. № 46–003–85 ... из архива Верховного Суда РФ за 2003 г.
- 83 Дело № 10–3993/2015// Архив Челябинского областного суда за 2015 г.
- 84 Дело № 10–3680/2015 //Архив Челябинского областного суда за 2015 г.
- 85 Дело № 10–4716/2015//Архив Челябинского областного суда за 2015 г.
- 86 Дело № 10–6918/2015//Архив Челябинского областного суда за 2015 г.

- 87 Дело № 10–3089/2015//Архив Челябинского областного суда за 2015 г.
- 88 Дело № 44у–106/2015//Архив Челябинского областного суда за 2015 г.
- 89 Дело № 10–5296/2015//Архив Челябинского областного суда за 2015 г.
- 90 Дело № 10–791/2015//Архив Челябинского областного суда за 2015 г.
- 91 Дело № 10–5648/2015//Архив Челябинского областного суда за 2015 г.
- 92 Дело № 10–1102/2015//Архив Челябинского областного суда за 2015 г.
- 93 Постановление судебной коллегии по уголовным делам Московского областного суда № 22–6000/2013 от 10.09.2013 г.//Архив Московского областного суда за 2013 г.
- 94 Дело № 10–3577/2014//Архив Челябинского областного суда за 2014 г.
- 95 Дело № 10–1642/2014//Архив Челябинского областного суда за 2014 г.
- 96 Дело № 44у–159/2014//Архив Челябинского областного суда за 2014 г.
- 97 Дело № 10–4652/2013//Архив Челябинского областного суда за 2013 г.
- 98 Дело № 10–6169/2013//Архив Челябинского областного суда за 2013 г.
- 99 Дело № 1–54/2012//Архив Челябинского областного суда за 2012 г.
- 100 Дело № 22-9704/2011//Архив Челябинского областного суда за 2011 г.
- 101 Дело № 22–1568/2011//Архив Челябинского областного суда за 2011 г.
- 102 Дело № 22–6820/2011//Архив Челябинского областного суда за 2011 г.
- 103 Дело № 1–1/2014//Архив Нязепетровского районного суда Челябинской области за 2015 г.
- 104 Дело № 1–34/2014//Архив Уйского районного суда Челябинской области за 2014 г.
- 105 Дело № 1–323/2013//Архив Копейского городского суда г. Челябинска за 2013 г.
- 106 Дело № 1–3/2012//Архив Советского районного суда г. Владикавказа Республики Северная Осетия-Алания за 2012 г.
- 107 Дело № 2–9/2012//Архив Верховного Суда Карачаево–Черкесской республики за 2012 г.

- 108 Дело № 2–8/2012//Архив Приморского краевого суда за 2012 г.
- 109 Дело № 1–133/2011//Архив Пластского городского суда Челябинской области за 2011 г.
- 110 Дело № 2–27/2011//Архив Приморского краевого суда за 2011 г.